

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1982

ВРУЧЕНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВУ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Делегаты и гости съезда бурными аплодисментами приветствовали награждение
Л. И. Брежнева Золотой медалью Всемирной Федерации профсоюзов.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Во время вручения награды.

Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу на XVII съезде профсоюзов СССР 17 марта торжественно вручена Золотая медаль Всемирной федерации профсоюзов. Он удостоен этой почетной награды за выдающиеся заслуги, большой личный вклад в дело защиты мира, укрепления дружбы и сотрудничества между народами, за последовательное содействие борьбе рабочего класса за свои права.

На трибуне съезда — председатель Всемирной федерации профсоюзов Шандор Гашпар.

Он, в частности, сказал:

Дорогой товарищ Брежнев! Ваша неутомимая руководящая деятельность, Ваш труд на благо всего человечества хорошо известны во всем мире. Награда, которую мы сегодня вручаем Вам по поручению X Всемирного конгресса профсоюзов, является признанием этой деятельности со стороны организованных в профсоюзы трудящихся мира, международного профсоюзного движения.

Желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших больших успехов в Вашей деятельности на благо советского народа, партии

и государства, на благо трудящихся всего мира.

Под долго не смолкающую овацию присутствующих в зале Ш. Гашпар, генеральный секретарь ВФП И. Закария, вице-председатели ВФП К. Гофман, А. Зиартидис, Р. Вейга и И. Гупта вручили Золотую медаль Всемирной федерации профсоюзов Леониду Ильичу Брежневу.

Затем выступил тов. Л. И. Брежнев.

В своем выступлении он, в частности, сказал:

С волнением и благодарностью я принимаю Золотую медаль Всемирной федерации профсоюзов.

Это высокая награда. Я вижу в ней прежде всего признание международным профсоюзным движением той работы, которую последовательно проводят наша Коммунистическая партия и государство во имя мира на земле, во имя счастья людей труда.

Эти две цели неразрывно связаны между собой. Без уверенности в том, что завтрашний день будет мирным, человек не может спокойно жить и трудиться.

Проблемы труда обычно не выходят за внутригосударственные рамки. Другое дело — мир. Сохранить и упрочить его — за-

бота общая, интернациональная. И чрезвычайно важно, что такая могучая сила современности, как международное рабочее движение, активно участвует в антивоенной борьбе.

Выступления товарищей Ш. Гашпара и Л. И. Брежнева были выслушаны делегатами съезда с большим вниманием и встречены продолжительными аплодисментами.

Председательствующий на съезде С. А. Шалаев от имени делегатов сердечно поздравил товарища Л. И. Брежнева с вручением ему награды. Вся жизнь и деятельность Леонида Ильича, верного сына нашего народа, стойкого интернационалиста-ленинца, неутомимого борца за дружбу и сотрудничество между народами, сказал он, является собой для каждого из нас яркий пример беззаветного служения людям труда, делу защиты мира и безопасности народов. Председательствующий под бурные аплодисменты всех участников съезда пожелал товарищу Л. И. Брежневу доброго здоровья, дальнейшей плодотворной работы во имя счастья советского народа, на благо мира и социального прогресса всего человечества.

XVII СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ СССР

В течение пяти дней в Москве работал XVII съезд профсоюзов СССР. На пленарных заседаниях в Кремлевском дворце, а также в шести секциях, работа которых проходила в различных залах Москвы, шло творческое, деловое обсуждение важнейших задач, поставленных перед советскими профсоюзами в решениях XXVI съезда КПСС, в речи товарища Л. И. Брежнева на XVII съезде профсоюзов СССР.

20 марта, в заключительный день работы съезда, делегаты и гости продолжительными аплодисментами встретили товарищей Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

Закончилось обсуждение отчет-

ных докладов, и с заключительным словом по итогам обсуждения отчета ВЦСПС выступил С. А. Шалаев. Съезд единодушно одобрил работу ВЦСПС за отчетный период. Утвержден также отчет Центральной ревизионной комиссии.

Делегаты приняли постановление «О письмах трудящихся, адресованных XVII съезду профсоюзов СССР». В этом документе принято к сведению, что секретариат съезда рассмотрел значительную часть писем трудящихся.

Делегаты единогласно приняли резолюцию по отчетному докладу о работе ВЦСПС.

Было принято постановление о частичных изменениях в Уставе профсоюзов СССР.

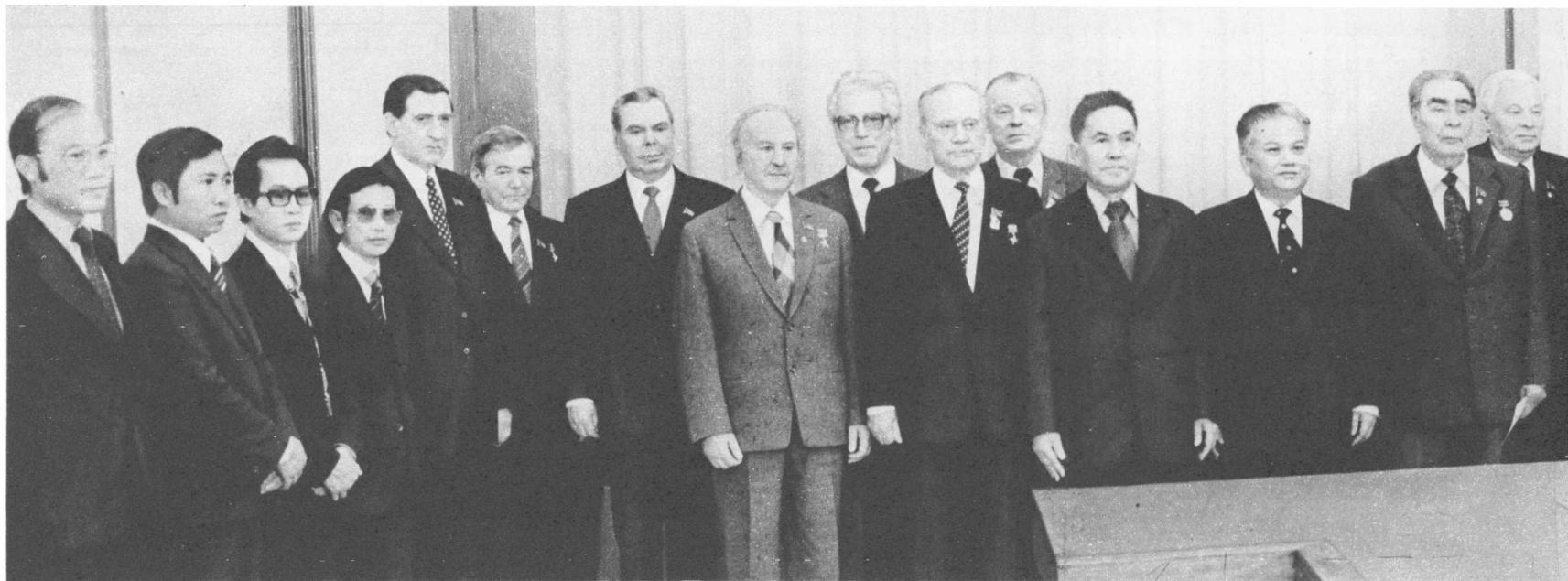
На заключительном заседании XVII съезда профсоюзов СССР было заслушано сообщение об

итогах выборов в руководящие органы советских профсоюзов.

С воодушевлением приняли собравшиеся приветственное письмо XVII съезда профсоюзов СССР Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

Затем выступил председатель ВЦСПС С. А. Шалаев. Он выразил твердую уверенность в том, что делегаты съезда будут в первых рядах наступающей армии труда за выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС, в строительстве коммунизма в нашей стране.

20 марта состоялся пленум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, избранного на XVII съезде профсоюзов СССР. Пленум избрал председателем ВЦСПС С. А. Шалаева.

При вручении награды.

ВРУЧЕНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВУ ВЫСШЕЙ

Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министр Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсон Фомвихан 18 марта вручил в Кремле Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшую награду ЛНДР — «Золотую медаль нации».

При вручении были товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков.

В зале находились помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, Г. Э. Цуканов, первый заместитель за-

ведующего отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбов.

С лаосской стороны присутствовали член Политбюро ЦК НРПЛ, секретарь ЦК НРПЛ С. Ловансай, временный поверенный в делах ЛНДР в СССР В. Сайсан, другие лаосские товарищи.

При вручении награды выступил товарищ К. Фомвихан.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

22 марта из Москвы в Ташкент отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Он примет участие в торжествах, посвященных вручению Узбекской Советской Социалистической Республике ордена Ленина, которым она награждена за трудовые успехи, достигнутые трудящимися республики по раз-

витию хлопководства и производства других сельскохозяйственных культур.

На Внуковском аэродроме Леонида Ильича провожали товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков,

члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, Г. К. Цинев, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС А. И. Блатов, М. П. Георгадзе, В. А. Голиков, А. М. Поплавский, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС С. А. Лосев, В. М. Фалин, другие товарищи.

В поездке Л. И. Брежнева сопровождают член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС

А. М. Александров, член ЦК КПСС, заведующий Отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

В этот же день товарищ Л. И. Брежнев прибыл в столицу Узбекистана.

В праздничном убранстве Ташкентский аэропорт. На его здании кумачом алеет лозунг: «Добро по-

Проводы на аэродроме.

Фото С. Гуария и А. Пахомова

НАГРАДЫ ЛАОСА

Затем выступил товарищ Л. И. Брежнев.

Выступления товарищей К. Фомвихана и Л. И. Брежнева были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Присутствовавшие сердечно поздравили товарища Л. И. Брежнева с вручением ему высшей награды ЛНДР.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С К. ФОМВИХАНОМ

18 марта в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министром Лаосской Народно-Демократической Республики Кейсоном Фомвиханом, находившимся в Советском Союзе с дружеским визитом. Во встрече приняли участие с советской стороны — секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, с лаосской стороны — член Политбюро, секретарь ЦК НРПЛ С. Ловансай, помощник Генерального секретаря ЦК НРПЛ И. Суринпхуми.

Л. И. Брежнев и К. Фомвихан обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития и углубления сотрудничества КПСС и НРПЛ, Советского Союза и Лаоса. Товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что КПСС твердо держит курс на всенародное развитие тесного сотрудничества с братским Лаосом.

Остановившись на актуальных международных вопросах, товарищи Л. И. Брежнев и К. Фомвихан высказали убеждение, что у народов мира нет сейчас более важной задачи, чем поставить прочный заслон на пути угрозы новой войны, остановить дальнейшее обострение международной напряженности, провоцируемое силами империализма и реакции.

Важное значение в этом плане имела бы нормализация обстановки в Юго-Восточной Азии. Л. И. Брежнев поддержал шаги, предпринимаемые Лаосом вместе с Вьетнамом и Камбоджей с целью превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности. В Советском Союзе одобряют новые предложения по этому вопросу, выдвинутые на недавней конференции министров иностранных дел трех стран Индокитая во Вьентьяне.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и К. Фомвихана прошла в обстановке дружбы, сердечности и полного единства взглядов.

В УЗБЕКИСТАНЕ

жаловать, дорогой Леонид Ильич! На флагштоках — Государственный флаг Союза ССР, флаги всех братских союзных республик.

В аэропорт для встречи дорогого гостя прибыли знатные люди республики, ветераны партии, деятели науки и культуры, представители общественности.

У трапа самолета Леонида Ильи-ча Брежнева сердечно приветство-

вали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев, Председатель Совета Министров республики Н. Д. Худайбердыев, другие руководители республики.

Товарища Л. И. Брежнева встречали прибывшие на торжества в

Ташкент член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунавеев, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров.

На аэродроме дважды Герой Социалистического Труда руководитель хлопководческой бригады

Т. Ахунова, Герой Социалистического Труда ткачиха Л. П. Казанцева, сталевар М. Егоров проподнесли Леониду Ильичу хлеб-соль. Кортеж машин направляется в город. По пути следования на украсенных транспарантами, панно, лозунгами улицах, площадях и проспектах десятки тысяч жителей Ташкента радушно, с сердечным гостеприимством приветствовали Леонида Ильича.

Фото С. Гуария и А. Пахомова

Фото Дм. Бальтерманца.

Во время встречи в аэропорту.

XVII съезд профсоюзов СССР приветствовали посланцы рабочей смены — учащиеся профессионально-технических училищ Москвы.

НАДО ДЕЛО ДЕЛАТЬ!

См. II стр. и 1-ю стр.

В жизни каждого человека бывают вехи, которые запоминаются навсегда, становятся точками отсчета, с которых как бы начинаешь жить заново. Можно сказать, какое-то новое содержание привносится в жизнь, начинаешь глубже, что ли, понимать действительность. Для меня такими запоминающимися вехами были, например, двадцатишестилетней давности день, когда я впервые переступил порог Горьковского автомобильного завода, и не столь давний — прошлогодний мартовский день, когда мне в Москве вручали Государственную премию

СССР. Сегодня с уверенностью могу сказать: такой же вехой станут и нынешние мартовские дни — дни работы XVII съезда профсоюзов СССР. И не для меня одного — для всех делегатов.

Дома — имею в виду родной завод — с профсоюзом приходится иметь дело едва ли не каждый день. Профсоюз настолько основательно вошел в жизнь каждого рабочего, что уже как-то и не мыслишь себе жизни без его работы, благ, которые он предоставляет. Но здесь, на съезде, я как бы взглянул на профсоюзное движение с высокой точки и увидел за своей заводской организацией поистине гигантское объединение людей — сто тридцать миллионов! Есть ли где-нибудь в мире другая столь же многочисленная организация? А слушая выступления делегатов из самых разных концов страны, представителей самых разных отраслей промышленности и сельского хозяйства, убедился: действительно, профсоюзы стали в нашей стране, как мудро предвидел Владимир Ильин Ленин, настоящей школой управления, школой хозяйствования, школой коммунизма для миллионов людей.

На всех нас — делегатов съезда — неизгладимое впечатление произвела речь товарища Леонида Ильича Брежнева. Речь эта, с одной стороны, по-деловому конкретна, каждый тезис — прикосновение к живому нерву профсоюзной работы, к задачам, стоящим перед нашей промышленностью, к тому, что волнует нас, рабочих. Я уже больше двадцати лет работаю бригадиром. А с прошлого го-

да возглавляю большую комплексную бригаду — нас в ней сорок четыре человека. Для меня слова Леонида Ильича Брежнева о бригадах, работающих по единому наряду, стали подтверждением собственных мыслей, воплощением того, о чем мы у себя в цехе говорим, думаем. С другой стороны, речь проникнута заботой о рабочем человеке, в ней намечены горизонты будущего. И не случайно именно с трибуны профсоюзного съезда руководитель партии и Советского государства обратился к человечеству с новыми, очень важными мирными инициативами. Да и как иначе? Мир и труд для нас понятия неразделимые.

Работы впереди непочатый край. Многое еще предстоит сделать, чтобы устранил все, что мешает осмысленному, вдохновенному труду. Мы на пути к этому. «Как лучше, эффективнее организовать работу на каждом конкретном участке? — говорил на съезде товарищ Брежнев. — Как использовать достижения научно-технического прогресса — и опять-таки не вообще, а конкретно, применительно к данному рабочему месту? Что и как нужно сделать для повышения производительности труда, стражайшей экономии материальных и трудовых ресурсов на данном производстве, в данной отрасли? Ответ на эти вопросы должна давать не только администрация, но и профсоюзы. Очень важно, чтобы каждый профессиональный союз, каждая профсоюзная организация, воплощая партийные установки в практические дела, действовали с максимальной конкретностью и деловитостью. На раскачку у нас времени нет. Надо работать, надо делать дело».

Эти вопросы поставлены перед нами самой жизнью. Лучше и не скажешь: «Надо работать, надо делать дело».

Борис НЕСТЕРОВ,
бригадир цеха тяжелых паровых молотов Горьковского автомобильного завода, делегат XVII съезда профсоюзов СССР

Фахми
эль-ХИНДИ,
заместитель
генерального
секретаря
Федерации
профсоюзов
Палестины

Мы с огромным вниманием выслушали речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева на съезде советских профсоюзов. Эта речь дала новое подтверждение тому, сколь большое внимание уделяется в Советском государстве рабочему человеку, дала нам новое представление о том, сколь велика роль в советском обществе профсоюзов, познакомила нас с многообразными и сложными задачами, которые решают сегодня профессиональные союзы вашей страны. Из этой речи мы узнали также, с каким героическим воодушевлением выполняют советские люди, советские труженицы исторические решения XXVI съезда КПСС. Когда в своей речи Леонид Ильич Брежнев перешел к разбору международного положения, мы полностью разделили высказанную им точку зрения, что ныне сложилась крайне сложная ситуация и вся ответственность за обострение международных отношений ложится на силы империализма.

Нынешняя обострившаяся ситуация вызывает глубокое беспокойство у всех прогрессивных людей мира, у тружеников всех стран. Это прежде всего касается интенсификации действий американского империализма во многих районах мира. Американский империализм стремится сегодня прежде всего возвратить свои утраченные позиции во многих регионах, хочет восполнить утерянные возможностями пользоваться национальными достояниями и природными богатствами других стран мира.

Мы крайне озабочены вопросом производства американцами нейтронной бомбы, а также вопросом размещения новых американских ракет средней дальности в странах Западной Европы.

ГОВОРЯТ ГОСТИ СЪЕЗДА

Франсиско Гонсалес ГАРСИЯ,
секретарь Сандинистского профцентра
трудящихся (Никарагуа)

Должен сказать, что для нас, трудящихся, рабочих и крестьян, новые мирные инициативы, высказанные товарищем Леонидом Ильичом Брежневым, не были неожиданностью. Мы всегда знали о мирных устремлениях советских людей. Предложения Л. И. Брежнева нас очень взволновали, и мы с восхищением относились к ним. Мы уже привыкли к тому, что из Вашингтона раздаются угрозы применения силы ко всем, кто не согласен с агрессивной политикой США, а из Москвы исходят новые мирные предложения, и корни этих предложений — в глубине истории Советского государства. Нужно заглянуть в 1917 год, когда В. И. Ленин был подписан Декрет о мире. Устами верного ленинца Леонида Ильича Брежнева мирная политика вновь была подтверждена на XVII съезде профсоюзов СССР. Я уверен, что эти предложения взволновали все человечество, они обсуждаются во всем мире, им аплодируют все поборники мира.

Сейчас мы переживаем наиболее сложный момент после победы никарагуанской революции 19 июля 1979 года. Я хочу сказать, что революция наша не кончилась после 19 июля. Раздаются выстрелы, еще происходят отдельные стычки с контром. Мы приняли меры для отражения насоков контрреволюции. Естественно, реакция не дремала, и в Майами, в США, сосредоточились остатки недобитых сомосовцев, которые организовали там лагерь для подготовки вторжения. Должен сказать, что и наши соседние страны, та-

кие, как Гватемала и Гондурас, предоставили и предоставляют по сей день свою территорию для всякого рода отребья, которое намерено вторгнуться в нашу страну. Американский империализм ужесточает свой антиникарагуанский курс. Началась пропагандистская антиникарагуанская кампания всех средств западной информации. Воздушный шпионаж, американские корабли в заливе Фонсека, активность 10 тысяч американских войск в зоне Панамского канала — все это предназначено для прямого вторжения на нашу территорию. В такой обстановке наше правительство приняло ряд конкретных мер, которые соответствовали воле и чаяниям народа.

Перед лицом опасности мы должны защищаться. В этой связи были приведены в боевую готовность номер один как регулярные вооруженные силы, так и народная милиция (народное ополчение), призваны резервисты. Руководящий совет правительства Национального возрождения Никарагуа принял декрет о введении в стране чрезвычайного положения. Были приняты меры, направленные против крупной продажной буржуазии, значительно ограничен выезд за границу этих элементов.

Сейчас наша работа в профсоюзной области идет по двум направлениям. Во-первых, линия на защиту родины и, во-вторых, линия на повышение производительности труда. Если мы будем плохо работать, плохо выдавать продукцию, производительность будет

низкой, соответственно и защита революции ослабнет. И тогда все наши возвания о защите революции окажутся лишь словами, потому что у нас не будет крепких тылов. Какие формы мы применяем в работе для выполнения этих двух стратегических задач? Это повышение трудовой дисциплины, экономия сырья и всевобуч — после работы все рабочие в обязательном порядке проходят воинскую подготовку.

На XVII съезде советских профсоюзов мы обратились с призывом к рабочим, профсоюзным отрядам всего мира поддержать нашу революцию, крепить солидарность с ней.

Пашкоала ЛУВУАЛУ,
генеральный секретарь Национального объединения
ангольских трудящихся

Могу сказать, что у меня сложилось очень хорошее впечатление о работе съезда. Имелось место открытое, свободное, демократическое обсуждение. Я считаю, что речь Леонида Ильича Брежнева является очень важным документом съезда, дающим глубокое впечатляющее представление о главных достижениях советских профсоюзов и трудящихся за последние пять лет.

Инициативы, выдвинутые товарищем Леонидом Ильичом Брежневым на XVII съезде профсоюзов, призваны сохранить и гарантировать мир во всем мире. Ни один народ не хочет мировой войны, не хочет разрушений. Поэтому я считаю, что эти инициативы, новые шаги советского руководства являются очень цennыми и очень полезными.

Мы поддерживаем хорошие отношения с профсоюзами всех социалистических стран и, естественно, используем их опыт. Отчетный доклад председателя ВЦСПС товарища С. А. Шалаева значительно обогатил наши знания по профсоюзным вопросам. Большую помощь оказывают нам советские профсоюзы.

Национальное объединение ангольских трудящихся вместе с движением МПЛА участвовало в борьбе

за национальное освобождение. После завоевания независимости наше профсоюзное движение было перестроено и включилось в выполнение задач по восстановлению народного хозяйства.

Сейчас наши профсоюзы активно участвуют в разработке планов по расширению производства, по мероприятиям социального и культурного характера. Мы в широких масштабах организуем социалистическое соревнование, что позволяет нашим трудящимся перевыполнять производственные задания.

Как вам известно, наша страна подвергается постоянным агрессиям со стороны ЮАР, имеются случаи экономического саботажа. Наши трудящиеся в этих условиях участвуют в широком движении по организации защиты народной собственности, защиты революции, завоеваний революции.

Вы можете спросить меня, почему наша страна подверглась агрессии со стороны Южно-Африканской Республики. Ответ простой. После завоевания независимости мы избрали путь интернационалистской поддержки освободительных движений нашего континента и других стран. Мы поддерживаем СВАПО — единственного законного представителя народа Намибии в борьбе

за национальную независимость. Именно поэтому сейчас вся мощь военной машины ЮАР направлена против нашей страны. Все это делается под предлогом преследования борцов СВАПО. Но наш народ полон решимости продолжать оказывать поддержку народу Намибии, так же как и Африканскому национальному конгрессу Южной Африки, ибо мы прекрасно понимаем, что борьба народа Намибии — это справедливая борьба.

Многие жители нашей страны потеряли кровь в результате агрессии расистов ЮАР, и Национальное объединение ангольских трудящихся помогает им в постройке новых жилищ. Наше объединение развернуло широкую кампанию по оказанию помощи населению южных провинций, подвергшихся нападению агрессора, туда направляется одежда, продукты питания. Трудящиеся активно участвуют в проведении этой кампании, помогают всем, чем могут.

Фото Дм. Бальтерманца
и А. Гостева

Эти военные приготовления маньяков могут привести мир к новой разрушительной, губительной для человечества мировой войне. Мы, как представители трудящихся Палестины, считаем необходимым усиление сплочения мирового пролетариата, укрепление единого фронта для того, чтобы противостоять проискам империализма, отвести угрозу новой войны.

Мы сейчас являемся свидетелями непрестанных попыток империалистов вмешиваться во внутренние дела суверенных государств в различных районах мира. Мы осуждаем вмешательство американского империализма во внутренние дела Польской Народной Республики, в дела государства Латинской Америки. Мы осуждаем создание сил «быстрого развертывания» с целью вмешательства в дела стран нашего региона. Мы осуждаем также вмешательство американского империализма и его пособников в дела афганского народа. И со всей решимостью мы присоединяем свой голос к мирным инициативам, которые были высказаны Леонидом Ильичом Брежневым в его речи на XVII съезде советских профсоюзов. Американский империализм пытается применить санкции против польского народа и частично против СССР. Мы, представители палестинских трудящихся, представители борющегося народа, уверены, что подобные действия американского империализма неизбежно потерпят крах.

Что касается основной задачи, стоящей перед палестинскими профсоюзами, то, конечно, это — активное участие в движении Сопротивления, в борьбе нашего народа за свои законные права. 90 процентов трудящихся Палестины — бойцы движения Сопротивления. Первым борцом, отдавшим свою жизнь за дело палестинской революции, был рабочий — его звали Ахмат Муса, и первым человеком, попавшим в израильский застенок, был также представитель пролетариата — Махмуд Хиджази.

Второй не менее важной задачей, стоящей перед палестинскими профсоюзами, является охрана и защита интересов палестинских трудящихся, проживающих в различных странах мира, в арабских странах прежде всего.

Третья наша задача: передача мировому общественному мнению правдивых сведений о том, какая борьба ведется нашим народом, какие цели преследует эта борьба. Палестинские трудящиеся несут на своих плечах всю тяжесть борьбы. Именно своим героизмом, своей борьбой они добились того, что была признана законность борьбы палестинцев, законность дела палестинского народа.

ВСТРЕЧИ НА ЗЕМЛЕ ДРУЖЕСТВЕННОЙ ИНДИИ

По приглашению правительства Республики Индии с 14 по 20 марта в Индии находился с официальным визитом член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

15 марта Д. Ф. Устинов был принят Президентом Индии Н. С. Редди, Премьер-Министром Индии Ганди и министром обороны Р. Венкатараманом. В ходе состоявшихся бесед были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес. Встречи и беседы прошли в дружественной обстановке.

Министр обороны СССР Д. Ф. Устинов совершил поездку по стране.

На снимке: Во время встречи Д. Ф. Устинова с Р. Венкатараманом.

Фото С. Кармалито (ТАСС)

**Наш
В^{згляд}**

КОГДА МИР У РАСПУТЬЯ

Сергей ЛОСЕВ

Проявлением подлинной заботы о людях труда, их кровных интересах стало участие партийного и государственного руководства нашей страны в работе XVII съезда профсоюзов СССР. И разве не знаменательно, что именно с трибуны съезда этой самой массовой организации советских трудящихся прозвучала пронизанная доброжелательностью и мудростью речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, оказавшаяся крупнейшим политическим событием не только в жизни Советского Союза, но и в международном плане.

Глубинный резонанс, размах откликов во всем мире на новые мирные инициативы, выдвинутые Л. И. Брежневым, можно объяснить прежде всего тем, что инициативы эти построены на справедливой, реалистической основе сохраняющегося военно-стратегического равновесия и отвечают чаяниям народов, заинтересованных в ликвидации угрозы термоядерной войны и прекращении гонки вооружений.

Империалистической пропаганде не удастся ни замолчать, ни оболгать советские предложения.

Что же касается реакции администрации США на советские инициативы, то она столь же фальшивы, как и потуги официального Вашингтона изобразить себя этаким поборником профсоюзных свобод, во что не верят даже на Западе. Не случайно канцлер Австрии Бруно Крайский заявил недавно по поводу минимых симпатий, выражаемых Белым домом в отношении польских профсоюзов: «Тот, кто несколько месяцев назад видел деятелей американского профсоюза авиадиспетчеров в нарушниках, тот не верит в симпатии господ в Америке к профсоюзам. В такие времена в ходу всегда беспредельное лицемерие, которому не нужно поддаваться».

В обстановке нарастания угрозы термоядерной войны вполне естественно, что народы восприняли как луч света твердое заявление, что СССР не теряет надежды на достижение разумной договоренности на началах равенства и одинаковой безопасности сторон и, более того, всячески этому способствует и словом и делом. Желая показать добрый пример, советское руководство приняло решение ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Уже развернутые здесь такие вооружения мы замораживаем в количественном и качественном отношении. Замену старых ракет, известных как СС-4 и СС-5, на более новые, СС-20, приостанавливаем.

Более того, Советский Союз намерен уже в этом году, если не будет нового обострения международной обстановки, сократить по своей инициативе известное количество ракет средней дальности.

Чтобы не открывать новый канал гонки вооружений, СССР предложил не развертывать крылатые ракеты большой дальности морского и наземного базирования.

Этим конкретным далеко идущим предложениям администра-

ции США оказалась не в состоянии противопоставить ничего, кроме повторения абсурдного требования об одностороннем разоружении Советского Союза, которое словно бы в издевку именуют в Вашингтоне «нулевым вариантом».

Добросовестный анализ и изучение советских предложений в Белом доме попытались подменить подтасовкой цифр и смешением понятий о том, что же из себя представляют ракетно-ядерные силы средней дальности. Высокопоставленные представители американской администрации уже через несколько часов после их оглашения поспешили отклонить эти инициативы. Для характеристики этой скоропелой негативной реакции официального Вашингтона как нельзя более уместны слова из речи товарища Л. И. Брежнева: «Просто диву даешься, когда видишь все это. И невольно возникает вопрос: чего в подобной политике больше — легкомыслия, недостатка опыта в международных делах или безответственного, прямо скажем — авантюристического подхода к серьезнейшим проблемам, затрагивающим судьбы человечества?»

Новый главный политический советник президента США Э. Роллинз заявил на днях, что, как он лично считает, Р. Рейган будет добиваться в 1984 году переизбрания на второй срок. «Все данные, которыми я располагаю, — сказал Роллинз, — указывают на то, что для осуществления его программы потребуется больше, чем один срок...»

Но авантюризм в политике не проходит бесследно. Американские избиратели вполне могут и не предоставить нынешнему президенту такую возможность. Кстати, последние опросы общественного мнения убедительно свидетельствуют о неуклонном падении поддержки политики администрации. По данным еженедельника «Нью-сунк», свыше 60 процентов опрошенных американцев высказались в поддержку идеи «замораживания» ядерных арсеналов СССР и США и соответствующего проекта резолюции, внесенного в конгрессе США. На всей территории Соединенных Штатов — от Новой Англии до Калифорнии — нарастает волна движения за замораживание ядерных вооружений, которое, как отмечает телекомпания Эн-би-си, «может стать одним из крупнейших народных движений в США со времени выступлений против войны во Вьетнаме в 60-х годах». По мнению обозревателя Джеймса Рестона, весь вопрос массового движения протеста против гонки ядерных вооружений вместе с проблемами мирового экономического кризиса «скоро всего будет основной проблемой отношений между союзниками и отношений между Востоком и Западом до конца нынешнего десятилетия, а может быть, и до конца столетия». И вот в этой обстановке, когда «массовое движение сейчас расширяется и охватывает церкви, университеты и даже муниципалитеты США, — сетует обозреватель, — Рейган держит курс на конфронтацию как внутри страны, так и за рубежом».

Разве не суровым обвинением являются слова сенатора Эдварда Кеннеди на конференции представителей американских деловых кругов: «У нынешней администрации есть политика наращивания вооружений, но нет политики мира...»

Медленно, но верно и в США зреет понимание бесперспективности попыток добиться военного превосходства в ущерб законным интересам СССР, его союзников и друзей, которые Пентагон прямо связывает с планом размещения в Европе сотен новых крылатых ракет и ракет «Першинг-2», способных поражать объекты на территории СССР и создающих реальную угрозу безопасности нашей страны. Нет никакой необходимости вынуждать Советский Союз принять такие ответные меры, которые поставили бы в аналогичное положение другую сторону, включая и непосредственно Соединенные Штаты, их территорию. Об этом грозном предупреждении никому не следует забывать.

Маршал Советского Союза ЧУЙКОВ Василий Иванович

18 марта 1982 года после тяжелой, продолжительной болезни скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, видный советский полководец, дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни прославленный герой Великой Отечественной войны, отдавший все свои силы и знания делу защиты социалистической Родины, укреплению ее обороноспособности.

В. И. Чуйков родился 12 февраля 1900 года в селе Серебряные Пруды Московской области в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал слесарем в Петрограде. В 1918 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. В 1919 году стал членом Коммунистической партии. Во время гражданской войны, будучи командиром полка, активно участвовал в боях на Южном, Восточном и Западном фронтах. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе работал военным советником в Китае, занимал ответственные командные и штабные должности в войсках Отдельной Краснознаменной дальневосточной армии и Белорусского особого военного округа. В 1939 году был назначен командующим армией, участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. С 1940 по 1942 г.— военный атташе в Китае.

Яркой страницей в биографии В. И. Чуйкова является его участие в Великой Отечественной войне. Он командовал легендарной 62-й армией, которая стойко и мужественно защищала Сталинград, участвовала в крупнейших наступательных операциях, в освобождении Украины, Белоруссии и Польши. Действуя на важнейших направлениях, войска под командованием В. И. Чуйкова показывали образцы героизма и стойкости в обороне и стремительности в наступлении. В ходе боевых действий в полной мере раскрылись военное дарование и большие организаторские способности В. И. Чуйкова. В бою его всегда отличали исключительная храбрость и отвага, непреклон-

ная воля в достижении поставленной цели.

В послевоенные годы В. И. Чуйков занимал посты главнокомандующего Группой советских войск в Германии, командующего войсками Киевского военного округа, главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны СССР, начальника гражданской обороны СССР. С 1972 года он был на ответственной работе в Министерстве обороны.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков внес достойный вклад в дело повышения боевой готовности Советских Вооруженных Сил, в укрепление обороноспособности социалистического государства. Обладая широким военным кругозором и богатым боевым опытом, он щедро делился ими с подчиненными.

В. И. Чуйков активно участвовал в общественно-политической жизни страны, был делегатом многих съездов партии, избирался членом Центрального Комитета КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, начиная со второго созыва.

На всех участках, которые поручала ему партия, В. И. Чуйков проявлял партийную принципиальность, большое трудолюбие, чуткость и внимание к людям.

Его выдающиеся заслуги перед Родиной высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден девятью орденами Ленина, орденом Октябрь-

ской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также иностранными орденами и медалями.

Память о Василии Ивановиче Чуйкове — верном сыне Коммунистической партии, мужественном солдате и полководце, пламенном патриоте социалистической Родины навсегда сохранится в сердцах воинов армии и флота, всех советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кирilenko, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Н. А. Щелоков, М. А. Янов, М. П. Георгадзе, Г. Ф. Сизов, Л. С. Куличенко, Н. В. Огарков, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, Н. И. Савинкин, В. Ф. Толубко, В. И. Петров, А. И. Колдунов, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, А. Т. Алтунин, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, И. Н. Шкаров, И. Х. Баграмян, П. Ф. Батицкий, С. И. Руденко, С. Ф. Ахромеев, В. И. Вареников, А. И. Сорокин, М. Г. Соболев, А. Д. Лизичев, М. М. Зайцев, И. А. Герасимов, А. С. Желтов, П. И. Батов.

Прощание с маршалом В. И. Чуйковым

22 марта труженицы Москвы и воины столичного гарнизона прощались с видным советским полководцем, прославленным героем Великой Отечественной войны, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, дважды Героем Советского Союза, Маршалом Советского Союза Василием Ивановичем Чуйковым.

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе, где установлен гроб с телом В. И. Чуйкова, в траурном убранстве. Вокруг венки. На ленте одного из них надпись: «Василию Ивановичу Чуйкову от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

10 часов утра. В почетный караул становятся товарищи М. С. Горбачев, В. В. Гришин, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Кузнецов, И. В. Капитонов.

В почетном карауле были также ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, руководители ряда мини-

стерств и ведомств, представители трудящихся столицы.

12.00. Доступ в зал прекращается. У гроба В. И. Чуйкова остаются родные и близкие.

Похороны В. И. Чуйкова состоялись 23 марта. В соответствии с волей покойного он похоронен в городе-герое Волгограде на Мамаевом кургане.

В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства.

Фото В. Парадин

ЧЕМ СЛАВИТСЯ «МАСИС»?

Г. Х. АРУТЮНЯН,
генеральный директор
производственного объединения «Масис»

Слава «Масиса» родилась не сегодня и не вчера. Вот уже несколько лет как растет спрос на его продукцию. На ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, говоря о передовых предприятиях легкой индустрии страны, назвал и ереванское обувное объединение «Масис».

...Когда входишь во двор его головного предприятия, то первое, что бросается в глаза, — отлитые в бронзе две фигуры: старый сапожник с руками, исеченными дратью, склонился над зажатой между коленей колодкой с ботинком, а рядом сидит пристально следящий за каждым движением его рук мальчик, ученик, подмастерье. Установленный здесь недавно, памятник этот — своеобразный гимн представителю древнейшей профессии армян — сапожнику. Говорят, что от него и пошло высокоуважение в народе, особо читомое здесь звание — варпет, мастер. Варпет, он может быть и каменотесом, и поэтом, и портным, и художником. Но всегда остается мастером.

Памятник во дворе — дань не только истории, но и дню сегодняшнему. Нет, он не канул в Лету, армянский сапожник, научно-техническая революция в обувной промышленности не забросила варпета в пыльные запасники музеев. Он живет и действует здесь, на «Масисе», он причастен к тем, кто принес славу этой фирме.

Как же вписался сапожник-одиночка, тачавший сапоги своими руками, в современное обувное производство с жестким ритмом конвейера, с электроникой, ЭВМ, комплексной системой управления качеством? Как удалось объединить их под одной крышей, как они со-существуют, взаимодействуют, каков тут стиль работы руководителей, метод управления столь «разнокалиберным» производством 17 фабрик, разбросанных по городам республики? Об этом и ведут разговор с генеральным директором объединения «Масис» Г. Х. Арутюняном корреспонденты «Огонька» Л. ЛЕРОВ и А. САВЯН.

— Грант Хачатурович, мы бы хотели сперва познакомиться с конечными результатами деятельности «Масиса» — с его обувью.

— Обычно гостям показывают ассортиментный кабинет, но там, будем откровенны, красуются заранее тщательно отобранные образ-

цы. Поезжайте в рядовой ереванский магазин, куда приходят наши самые строгие судьи — покупатели...

...Они, эти судьи — ереванцы, их гости из других городов, — толпились у стеллажей, взыскательно отбирали, что пришлось им по душе, примеряли модные сапожки, элегантные, нарядные туфли, мужские полуботинки нового силуэта на вкус тех, кто помоложе. И, глядя на них, мы подумали: «Да, пожалуй, «Масис» может тягаться с зарубежными фирмами». Ознакомительная «экскурсия» продолжалась в Доме моделей, где художники «Масиса» творят новые формы туфель, ботинок, сапог — мужских, женских, детских, — и в цехах опытного производства, где проходят проверку разные технологические новинки. Тут идет напряженный творческий поиск, порой кипят страсти, низвергаются с «пьедестала» сапожки, вчера признанные последним криком моды, а сегодня потесненные новой моделью. Да иначе и быть не может, там, где ежегодно 90—93 процента продукции обновляется, где ежегодно на фабрики поступает 600—800 новых моделей, а в запасе еще триста, — загляд в год будущий.

На головной фабрике в огромных светлых цехах у конвейерных линий сидели молодые женщины в белых халатах, а в другом районе города уже в сравнительно небольших, но удобных помещениях рукиами и опытом мастеров высшего класса — ручная работа плюс механизация, поток — создавалась та изящная обувь, которую мы видели в магазине.

Путешествие наше закончилось в кабинете генерального директора, где, собственно, и началась беседа. Мы уже знали, что сорок лет своей жизни Грант Хачатурович отдал служению сапожному делу, продолжая и ныне причислять себя и клану сапожников в высоком значении этого слова. Вот и интересно знать:

— Как сапожник Грант Арутюнян стал генеральным директором «Масиса»?

— Я сын плотника и с детства привык уважать товарищества отца — загорелых, крепких, мускулистых. Когда началась война и отец ушел на фронт, я бросил школу и решительно заявил матери: буду работать. В нашем дворе жили сапожник и шофер. Я отдал предпочтение машине. Но профессия эта мне не понравилась. Я рас прощался с автомобилем, и вскоре сосед, варпет Аветис, повел меня на фабрику, где шили детскую обувь и ремонтировали сапоги для фронта. Это был мой первый шаг вот к этому креслу. У меня были хорошие учителя, прекрасные мастера, помнившие легендарного варпета Каро, который тачал ботинки без единого гвоздя, закройщика Григора, кроившего заготовку одним росчерком ножа. Мастер Цолак, главный инженер Чахоян, инженер-технолог Чалабаджян — их всегда буду помнить — помогли мне окончить техникум. Затем я поехал в Москву, в технологический институт. Как вы понимаете, это было нелегко — оставить дом, семью: мой заработок был неплохим. Меня не забывали, слали посылки, помогали материально. Да и в самом институте русские ученые и педагоги близко к сердцу приняли нелегкую судьбу парня из Армении. Заведующий кафедрой профессор Сергей Митрофанович Савченко взял меня к себе лаборантом — материально сразу полегче стало...

Я прошел по всем ступеням — мастер, начальник цеха, главный инженер фабрики, объединения. И вот уже девять лет — генеральный директор. Я принял эстафету от очень энергичного своего предшественника — Г. О. Ерояна, много сделавшего для становления фирмы.

На первых порах продукция «Масиса» пользовалась ограниченным спросом. Большой процент обуви понижался в сортности и возвращался к нам из торговли. Требовался решительный рывок в борьбе за повышение

качества. Мы твердо решили: наша обувь должна быть модной, элегантной и, конечно, прочной, добротной. Стали анализировать все звенья — от разработки моделей до прилавка. Соблазнительно было укрыться за щит, к которому прибегают иногда хозяйственники: экономика не сбалансирована, под напряженный план не получаем нужное — и по количеству и главным образом по качеству — сырье, фурнитуру, медленно осуществляется техническое перевооружение цехов. Но беспристрастный анализ показал, что преобладающая часть нерешенных проблем должна быть отнесена на наш счет, на счет наших недоработок.

С чего начать? Мы постарались сколотить своеобразный «мозговой трест», который должен был искать инженерное, технологическое решение новой организации всего производства, пути создания обувного предприятия, способного поставлять торговле не только повседневную добротную, красивую обувь, но и особо модную. Заручились поддержкой Министерства легкой промышленности республики — оно активно помогало и помогает нам. Обратились к варпетам, собрали лучших мастеров-сапожников и предложили им нечто такое, что озадачило их: становитесь во главе конвейера, займите рабочие места в моторизованных цехах. Мастера не спешили с ответом. Тогда «Масис», сказав «а», сказал и «б». Решили организовать в объединении специальные цеха, выпускающие изящную обувь ручным способом, малыми сериями — от 300 до 2500 пар. При этом сапожникам, мастерам ручной работы гарантировали зарплату, равную их доходам от индивидуальных заказов. Плюс все то, что дает советская фабрика.

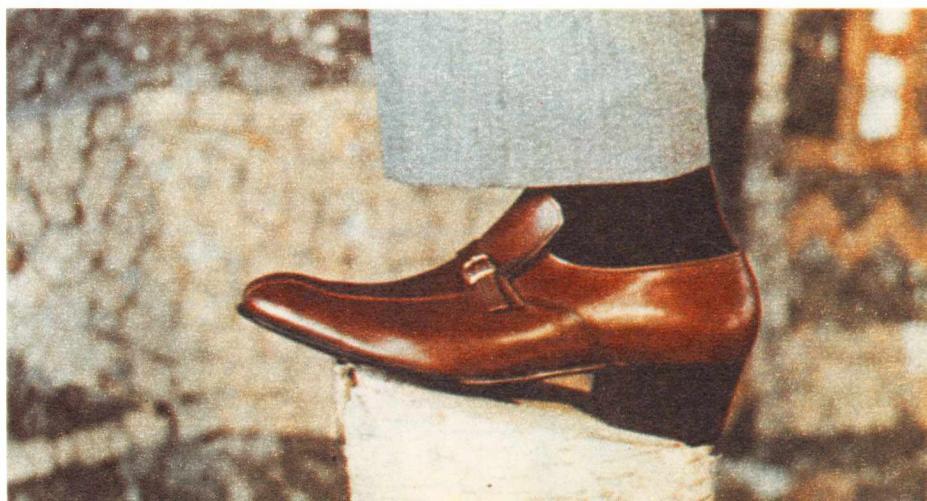
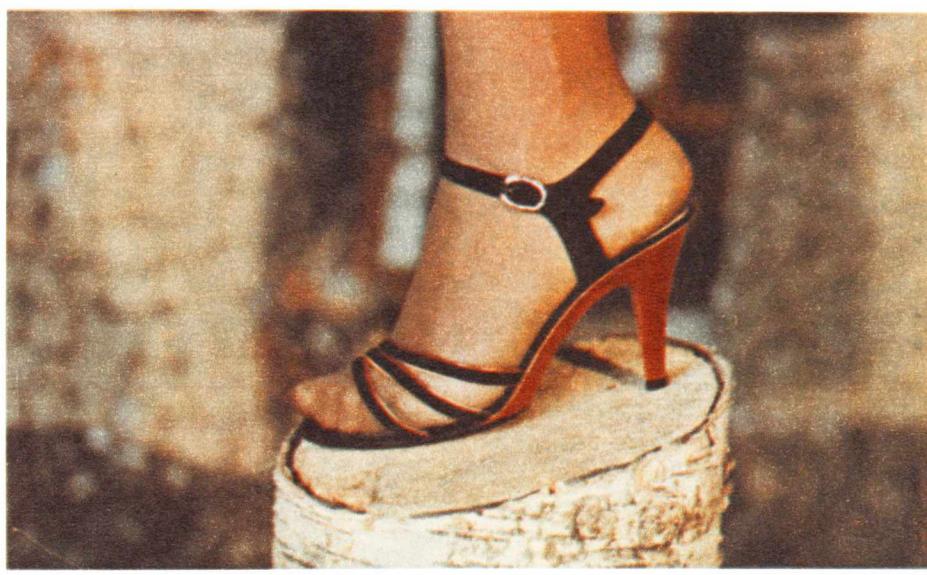
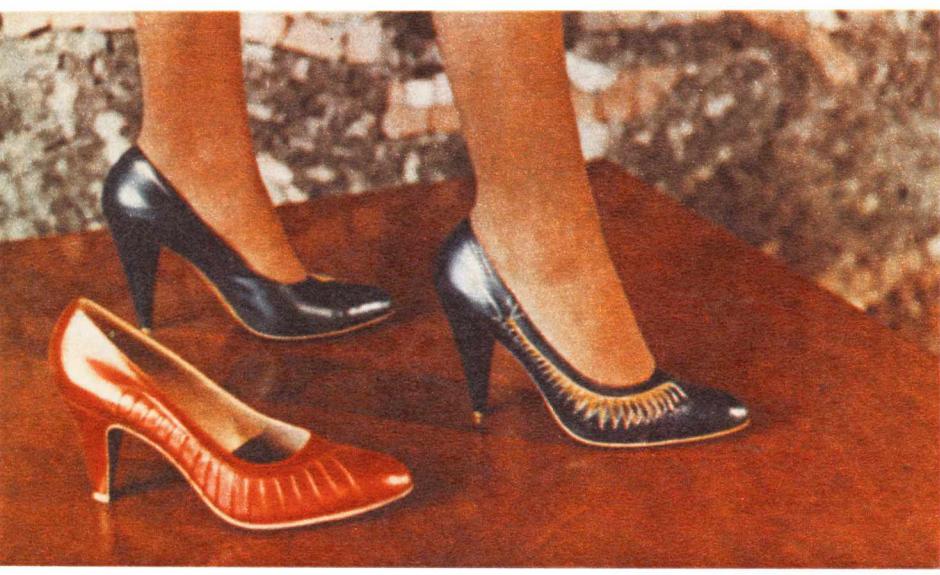
Сохранив традиции старых армянских сапожников, удалось внести в поточное производство некоторые принципы ручного пошива обуви, кое-что позаимствовать даже из опыта ремесленников далекого прошлого. По recommendationам Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР и Министерства легкой промышленности республики вышла в свет интересная и полезная книга «Обувь древней Армении». Ее автор — А. С. Армаганян, заместитель главного инженера объединения.

Год от года фирма набирала силы. К нам пришли и варпеты и молодые инженеры, энтузиасты, которым мы доверили руководство ответственными службами. Появились хорошие кадры. Вместе с партийной организацией, а она у нас крепкая, боевая, мы сумели поднять их на трудные дела. Теперь в «Масисе» ежегодно вручную делают около миллиона пар туфель, сапожек. Высококачественная модельная обувь пошла и на механизированных потоках.

Мы долго искали пути сопоставления лично-го мастерства сапожника и конвейера и, ка-

Во дворе головного предприятия объединения стоит этот памятник старому армянскому сапожнику * Вараздат Ка-зарян и его ученик Рубик Нерсесян * Азнив Бостанджян, продавщица магазина «Новинка», где покупателям предлагаются только обувь «Масиса».

жется, не безуспешно. Оказалось, что и на потоке можно учитывать приемы лучших мастеров так называемого индивидуального пошива. Силами своей механической базы мы создали оборудование, которое смогло копировать некоторые операции тех самых варпетов, которых мы привлекли. По сравнению с чисто ручной работой удвоилась производительность труда при достаточно высоком качестве обуви. Были разработаны принципиально новые модели, не уступающие лучшим отечественным и зарубежным образцам.

— Сколько времени занимает переход с одной модели на другую?

— Восемь—девять дней. Сейчас почти каждая десятая пара обуви «Масиса» особо модная, изящная. Но мы не поспеваем за спросом, поэтому расширяем ее выпуск.

— А как обстоит дело с повышением качества обуви так называемого массового пошива?

— Найденные модельерами, конструкторами, мастерами удачные решения для малых серий удалось использовать и на обычных потоках. Пришлось ввести операции, не предусмотренные типовой методикой, установить новое оборудование. Зато теперь и обувь, предназначенная, как у нас говорят, для повседневной носки, обрела модный силуэт, элегантность.

Освоение особо изящной обуви самым лучшим образом оказывается на общем уровне моделирования. Но достигнутое еще не удовлетворяет нас. И в первую очередь качество. Мы не можем мириться с тем, что нет-нет да и приходят из торговли тревожные сигналы — туфли, ботинки с маркой «Масис» покупатель вернулся в магазин. И со страниц вашего журнала прозвучал такой сигнал. В рапортах правильно отмечено: 52 возвращенные пары туфель с маркой «Масис» из 6170 проданных — вроде бы и немного, но покупатель судит о достоинствах фирмы не вообще, а по той паре обуви, которую приобрел. И он прав. Мы остро реагируем на подобные сообщения торговли — это серьезный укор нам. Тут как-то позвонили в наш партком из Ереванского универмага: «Приезжайте, посмотрите...» Немедленно выехали. На столе директора универмага — партия детской обуви, забракованной покупателями. На следующий день состоялось заседание парткома. Всем ясно — виновная партия ответственность. Виновные получили партийные и административные взыскания. Урок был сорванный, но весьма полезный: «Не зазнавайтесь, не ослабляйте контроля».

— С такой фирмы, как «Масис», особых спросов, не так ли?

— Конечно. К тому же в Ереване у нас есть серьезный соперник в системе службы быта — фирма «Наирис». Там шьют обувь вручную, по индивидуальным заказам. Она по качеству бывает лучше обуви «Масиса». Но и более дорогая. И масштабы производства «Наирис» нельзя сравнивать с нашими. За год там шьют 450 тысяч пар обуви с небольшим, а у нас — 14 миллионов. И тем не менее «Наирис» остается нашим соперником. Мы рады тому, что в Ереване имеется фирма, которая заставляет нас работать еще лучше. Есть с кем тягаться нашим опытным кадрам, старым мастерам, и молодым. Я верю в их талант, в их большой творческий потенциал.

— Вы с уважением говорите о ваших кадрах, и в частности о руководящих. Видимо, вместе с парткомом вам пришлось уделить много внимания их подбору. Расскажите об этой стороне вашей деятельности. Были ли здесь просчеты?

— Я бы прежде всего отметил, что за последнее время заметно круче стала лестница, ведущая к высокой должности, ступеней на ней больше, резко повысились требования к деловым качествам, к нравственному облику, жестче стали оцениваться проявления всякого высокомерия, пренебрежения к людям, аморальные поступки, безответственность. Известны слова Леонида Ильича Брежнева: «Современный руководитель должен органически соединять в себе партийность с глубокой

компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу». Леонид Ильич не случайно на первое место поставил партийность. Понятие это очень емкое, многозначащее. В нем не может быть ничего второстепенного.

В ходе нашей беседы вы, вероятно, уловили, что один из «секретов» успеха «Масиса» заключается в непрестанном поиске. Поиск требуется и в подборе кадров. Хороших людей много. Но не все могут управлять, руководить. Мы это учтываем, когда формируем наш резерв, — сюда входят люди, которых готовят к тому, чтобы они продвинулись дальше по служебной лестнице. Карьеризмведен. Но в принципе человек должен думать о своем росте, надо помочь ему в этом и даже планировать его карьеру. Однако, повторяю, не каждый хороший специалист может быть руководителем. Тут слепое доверие к диплому инженера или кандидата наук опасно. Мы в этом убеждались на практике. И когда вместе с парткомом выбираем человека, достойного стать, скажем, начальником цеха или директором фабрики, то не раз возвращаемся к возможной кандидатуре. Скажем, Тигран (не буду называть подлинные имена, надеюсь, вам понятно, почему) — отличный специалист, кандидат наук, но неважный организатор. А Армен — прекрасный организатор, но специалист слабый. Сурен — человек очень требовательный, но нет в нем ни грана чуткости, не умеет разговаривать с людьми, груб. Это ведь тоже надо учитывать.

Бывает и так, что сразу не заметишь у человека качеств, необходимых руководителю. И тут опасна поспешность в выводах. Когда шла речь о назначении главного инженера одной из фабрик ее директором, на парткоме кто-то возражал: «Не справится! Честно говоря, для этого были основания. Но все же решили назначить его временно исполняющим обязанности директора. И у человека этого, исполненного чувства резко повысившейся ответственности, в полной мере раскрылся талант настоящего руководителя.

Мы редко меняем директоров фабрик, начальников цехов. Однако иногда приходится это делать, хотя никакого ЧП не было. Работник трудолюбивый ничем не скомпрометировал себя, но попросту исчерпал свои творческие возможности, живет старым багажом, без всякой инициативы. Как говорится, не тянет. Надо менять! И меняем.

В ходе подбора кадров не всегда совпадают точки зрения директора и секретаря парткома. Порой спорим. Не без этого. И все же верх берет слаженная работа парткома и директора. И что очень важно — слаженность эта не подавляет принципиальности позиции хозяйственных и партийных руководителей.

Вы меня спрашивали, были ли у меня просчеты в подборе кадров. Да, были. И тут важно сделать правильный вывод, установить, где мы оказались не очень требовательными.

Одно предприятие специфично. Здесь много ценного, к которому иногда тянутся нечестные люди. И при подборе кадров не раз призадумавшись: а сможет ли этот человек обеспечить сохранение доверенного ему народного добра? Но, увы, не всегда такая требовательность оказывается на должной высоте.

В связи с этим хочу сказать об учете и отчетности. Много тут слабых звеньев. И этим ловко пользуются расхитители социалистической собственности. Мы испытываем недостаток в грамотных бухгалтерах и в первую очередь в главных бухгалтерах. Существующая система их подготовки несовершенна. Иные, окончив институт, не хотят идти работать по специальности.

При оценке кадров мы не всегда строго взвешиваем их морально-нравственные качества. Я знаю руководителей, в глазах которых работник, не прогуливающий, не пьющий, хороший семьянин, уже выглядит вполне нравственно благопристойным. А на поверку — работает без огонька, нет у него совести, любит жить легко, но не хочет по-настоящему трудиться, умеет пыль пустить в глаза: вот, мол, из каких трудных положений выходит. Потом выясняется — нечестным путем выходит, где-то пустил в ход связи, а где-то и нечто более

материальное. Вот это порой выпадает из поля нашего зрения.

— Ваше объединение достаточно популярно в стране. Но иногда раздаются голоса: «Масису» созданы особые условия.

— Это легенда. Мы получаем то же сырье, фурнитуру, оборудование, что и другие обувные предприятия. Но, вероятно, используем все это более эффективно, я бы сказал, более предпринимчиво.

— В связи с этим было бы интересно услышать о вашем отношении к предпринимчивости.

— Я очень уважаю журнал «Эко», выходящий в Сибири и редактируемый академиком А. Г. Аганбегяном. Там шла дискуссия о предпринимчивости и хозяйственном механизме. Мне понравились некоторые высказывания участников дискуссии. Вот они:

«Я за плановость в работе, ее необходимо совершенствовать. Но, получив плановые лимиты и фонды, один руководитель ведет свое хозяйство активно, предпринимчиво. А другой — лишь бы цифра была «выдержанной», чтобы не ругали».

«Хозяйственная предпринимчивость легко перерастает в бесхозяйственное предпринимательство, делячество, не лишенное личной и коллективной корысти. Используются незапланированные, неучтенные ценности... Предпринимчивость нужна для повышения эффективности производства, рационального использования ресурсов».

Мы придерживаемся той же позиции. Социалистическая предпринимчивость не должна иметь ничего общего с изворотливостью, ловкостью — «лишь бы выполнить план, победителей не судят!». Неверно. Иногда судят, и по заслугам. На «Масисе» по этому поводу нам приходилось вести довольно нелепые разговоры с некоторыми руководителями. Но при этом хочу подчеркнуть, что «ложную предпринимчивость» порой вызывает наша неорганизованность, отсутствие порядка, бесплановость, несбалансированность планов, несовершенство системы материально-технического снабжения. Активная борьба со всеми этими явлениями помогает развитию социалистической предпринимчивости.

— Когда хотят сказать доброе слово о хозяйственном руководителе, то иногда оценивают его так: «деловой человек». Что такое, по вашему, деловой человек?

— По словарю деловой человек — это знающий дело, толковый, дальний и опять же предпринимчивый. Мне кажется, что в наше время этого недостаточно. Да и какими критериями оценивать эти качества? Бывает так: на фабрике сложилась трудная обстановка, возникло много сложностей. И тем не менее директор сумел поднять коллектив на преодоление возникших трудностей и добился высоких результатов. Вот мы и говорим ему: «Молодец, деловой человек!» На другой фабрике план квартала перевыполнен. Но тут были весьма благоприятные условия для этого. А в следующем квартале, когда появились сложности, директор сразу растерялся, скис, стал искать «объективных» причин. Про такого не скажешь — деловой человек.

Деловитость, по-моему, — это прежде всего разумное, предпринимчивое ведение дела, инициатива и творчество, профессионализм и опыт, высокие политические и моральные качества, умение опираться на творческую инициативу, на науку, сочетать самостоятельность с коллегиальностью. Последнее особо важно в условиях «Масиса», где 17 фабрик, столько же директоров, составляющих совет. Сегодня деловитость хозяйственника определяется самым важным критерием — эффективностью и высоким качеством работы. Таких деловых людей у нас на «Масисе» немало.

— Не считаете ли вы, что нынешний директор и начальник цеха — это уже не прежний руководитель универсального типа, который хватается за десятки дел, что нынешняя организация производства освобождает его от многих забот и на «первое место выдвигается «человеческий фактор»?

— Верно. И это предъявляет хозяйственникам много новых требований. Однако было бы не совсем правильно ограничивать понятие «человеческий фактор» только жильем, столой, яслими, детским садом, пансионатом. Проблема не менее острая — отношение к людям в самом широком плане. В человеке, какой бы пост он ни занимал, должно жить прежде всего человеческое отношение к ра-

На конвейере... * Новые модели «Масиса».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ботникам, понимание их забот, тревог, психологии. Жалею, что на студенческой скамье никто не помог мне овладеть педагогикой, психологией. Насколько я знаю, в вузах только сейчас начинают заниматься всем этим, да и то робко.

Социологи давно установили прямую зависимость производительности труда рабочего от настроения. А оно определяется не только тем, что материально ощущимо. Честность некоторых руководителей, администрирование, равнодушные, отсутствие человеческого тепла — вот что порой портит настроение рабочего, работницы, в особенности новичков. Улыбка руководителя, его задушевное, невзначай оброненное слово иногда дорогое стоят. Беседовал я как-то с начальником цеха. И меня так и подмывало спросить его: «Ты когда-нибудь кому-нибудь улыбался? Если кто и пошутит в разговоре с тобой, у тебя лицо остается каменным. Почему? А человек ты деловой». Но от деловитости без душевного отношения к людям как-то неуютно...

Пусть не вызовут у вас улыбки некоторые соображения о ней. Я уважаю людей, обладающих счастливым даром одной своей улыбкой вызвать хорошее настроение. Они, как правило, всегда доброжелательны. Я где-то прочел, что в инженерном деле около 15 процентов надо относить на счет чисто технических знаний и около 80 процентов — на счет личных особенностей характера, умения разговаривать, общаться с людьми, деликатно спросить о чем-то, незаметно сделать собеседника своим единомышленником. Мне кажется, что так оно и есть в жизни.

— Задумывались ли вы над структурой своего рабочего дня?

— В том же журнале «Эко» я познакомился с интересными исследованиями социологов, изучавших организацию труда руководителя. Они привели строки, написанные более ста лет назад Д. И. Писаревым: «Те люди, которые, по своему положению, могут и, по своему личному характеру, желают работать умом, должны расходовать свои силы с крайней осмотрительностью и расчетливостью, то есть они должны браться только за те работы, которые могут принести обществу действительную пользу. Экономия умственных сил увеличит наш умственный капитал, а этот увеличенный капитал, приложенный к полезному производству, увеличит количество хлеба, мяса, одежды, обуви...». По-моему, слова эти очень современны. Когда меня назначили генеральным директором, то сначала я не очень «осмотрительно и расчетливо» расходовал свое время, не очень экономно и эффективно вершил директорские дела. Но постепенно овладел столь нужным директору искусством рационально строить рабочий день.

Проведенный социологами анализ рабочего времени руководителей некоторых промышленных предприятий показал: работая в полтора раза больше положенного, они успевают сделать только 68 процентов дел, которые без директора не сдвинутся с места. Смею утверждать, что в нашем объединении социологи не обнаружат такой картины. Мы до минимума сократили непроизводительные функции, совещания по поводу и без повода, объявили войну многословию на так называемых оперативках. Установлен твердый порядок: не приходи к директору с делами, которые ты можешь и обязан решить сам, не отнимай у него зря времени. Ведь бывает иногда так: мастер правомочен решить вопрос, но он на всякий случай отсылает к начальнику цеха, а тот — к директору фабрики. Мы считаем, что каждый на своем участке работы должен быть директором. Это приучает к самостоятельности, развивает инициативу и ответственность. За этим мы, и хозяевственники и партийная организация, строго следим. Тебе даны права — полной мерой используй их!

Но есть тут одно обстоятельство, о котором не могу не сказать. Квалифицированные специалисты, возглавляющие ответственные участки работы, иногда по инструкции, кем-то давным-давно составленной, не имеют права самостоятельно принимать решения по некоторым вопросам. Любой финансовый документ порой, помимо главного бухгалтера, должен подписать директор или его заместитель. А речь идет о нескольких рублях. Директор одного предприятия подсчитал, что за год он

более 25 тысяч раз ставил свою подпись под разными документами. Сколько же рабочих дней у него ушло на это! Ведь в ином документе и за пять минут не разобраться.

— Вы затронули острый вопрос, решать который приходится многим хозяйственникам, а решается он далеко не однозначно. Ведь порой обстоятельства складываются таким образом, что директор, начальник цеха в поисках наибольшей эффективности производства, путем повышения качества продукции, ускорения темпов работы вынужден без всякой личной корысти отступиться от инструкции, нормативов, отказаться от установленной формы. Приходилось ли вам оказываться в столь сложной ситуации?

— Я против нигилистического отношения к различным инструкциям. Пока они действуют, их нельзя нарушать. Но, по-моему, не на пользу делу будет, если рассматривать их с шорами на глазах, слепо следя за велениям параграфов. Вопрос деликатный. И решать его надо, не впадая в крайности, сообразуясь с обстоятельствами, трезво оценивая все «за» и «против», памятуя, как важно дать ход инициативе. Я рассказывал вам о нашем поиске возможностей выпускать особо элегантную обувь, о том, как мы использовали при этом опыт варпетов, пригласили сапожников-индивидуалов занять места на потоке, как под одной крышей стали сосуществовать электроника, конвейер и мастерство старого сапожника. При этом «Масис» вынужден был кое в чем отойти от требований тех или иных инструкций, нормативов, регулирующих его деятельность, от типовой и, казалось бы, обязательной технологии, системы организации и управления производством. Раздавались голоса: «Нельзя этого делать, нам достанется за этакое своеобразие». Но мы сумели доказать, что это не своеобразие, а творческий, хотя и рискованный поиск во имя большой цели — дать обувь высокого качества.

Я прочел в передовой статье «Правды»: «Инициатива и социалистическая предпринимчивость требуют умения много брать на себя, решимости идти на определенный риск. Ведь все новое, передовое — это как бы отход от традиционных норм». И подумал о том, как иногда во имя формы, параграфа инструкции сковывается инициатива руководителя, его самостоятельность, готовность идти на разумный риск, искать новые, более прогрессивные решения.

— С чем «Масис» вступил в год 1982-й?

— Высокая оценка «Масиса», данная Л. И. Брежневым на ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС, когда он назвал наше объединение среди лучших предприятий легкой промышленности страны, вызвала у коллектива большой подъем. Надо ли говорить, как мы волновались, собравшись на митинг. Слово, которое мы тогда дали — досрочно выполнить план 1981 года и довести до 43 процентов долю обуви со Знаком качества, обувщики сдержали. Коллективу объединения присуждено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Неплохо начали мы и второй год пятилетки. План января и февраля выполнен. В ход пошли новые модели. Особенно хорошо потрудились наши варпеты. С помощью специалистов они разработали новые лекала, позволяющие экономить кожу и другие материалы. К концу 1985 года «Масис» должен выпустить 17 миллионов пар обуви. Такого количества объединение еще не производило никогда. Причем новых мощностей мы не вводим. Высокий рубеж хотим достичь за счет повышения эффективности труда, экономии материалов. И есть уже первые результаты. В минувшем году экономия мягкой кожи составила 2,1, а жесткой — 1,2 процента от общего количества расходуемых материалов. Это позволило дополнительно выпустить 375 тысяч пар обуви. Сейчас в объединении изучается и распространяется опыт закройщика Р. Оганесяна, который ежемесячно экономит материалы на 40—45 рублей. Стараемся помочь его товарищам достичь такой же экономии.

Однако не все идет у нас гладко. Есть еще немало недостатков и в сфере производства и в сфере воспитания людей. От нас потребуются значительные усилия для более решительного поворота в сторону эффективности и качества работы.

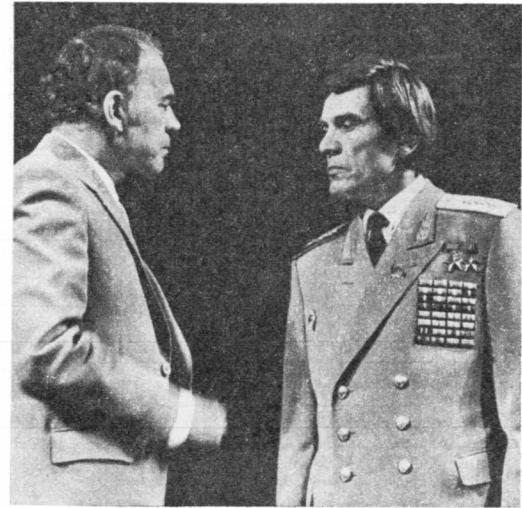

Фото М. Стрекова

театр

НЕ СКУДЕЕТ ЗЕМЛЯ ГЕРОЯМИ

С именем Сергея Михалкова не связывалась военная тематика, и вот — «Эхо» в Театре Советской Армии... Полная неожиданности! И — полная победа драматурга и театра (режиссер Э. Ливнер), всего коллектива.

Получился взволнованный, психологически достоверный спектакль, несущий в зал высокого накала: чувство патриотизма, подлинной нравственности.

В центре — семья генерал-полковника Раскатова, его друзья, сослуживцы, бывшие однополчане — современная молодежь... Через весь спектакль проходят события напряженные — эхо минувшей войны. Зрители взволнованно следят за тем, как разворачивается действие, как формируется человек, его характер... Тон всему задают люди в военной форме, их радости и тревоги, дружба и любовь, надежды и свершения.

Генерал Раскатов благодарен судьбе за то, что она дала ему возможность послужить родной земле, делу жизни народа. Но и для него бой еще не окончен... Актриса Игорь Ледогоров в этой роли раскрывает непростой душевный мир мужественного человека-солдата, внешне вроде бы «сухаря», пронесшего, однако, через все испытания любовь и близким, к жене и сыну. Они были его счастьем... Теперь, когда Раскатов знает, что дни его сочтены, что сердце отбывает свои последние удары, герой и в эти минуты не цепляется за жизнь. Он спешит сказать важное, главное своим товарищам, своим близким...

Именно в этот день Раскатов-младший принимает твердое решение: заменить в строю отца... Шурку Раскатова интересно играет артист театра Вадим Ледогоров.

Младший Раскатов занят наукой. Но искренне говорит отцу, что теперь и он тоже решил идти на военную службу, в кадры. Мы видим, как ради этого генерал Раскатов, дважды Герой Советского Союза, оставляющий после себя умного, серьезного преемника.

У молодого ученого-химика, конечно, были свои планы. Но их нарушило «эхо войны». Мужественные саперы успели обезвредить танную смертоносную находку, оставленную немногими гитлеровцами в мирном селе... Внезапный взрыв снаряда грозит тяжелыми последствиями. И навстречу несчастью первым бросается Александр Раскатов, достойный продолжатель солдатской династии... Здесь прошлое, настоящее, будущее связались неразрывно.

Россия всегда была богата на таких людей, как Раскатовы. И впредь не осудит ими наша земля.

Алла РОМАНЕНКО

ОТХОДЫ? — НЕТ, СЫРЬЕ!

С. Ф. МЕДУНОВ,
первый секретарь
Краснодарского крайкома
КПСС

В октябре минувшего года в Краснодаре состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция по новым методам безотходной технологии. Проблема была рассмотрена со всех сторон: экономической, технологической, этической, социальной, санитарно-гигиенической. Выводы конференции открыли перспективу перестройки предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, а также многих цехов сельского хозяйства таким образом, чтобы многочисленные виды отходов и их размеры сократить до минимума. А как решается эта проблема в Краснодаре и Краснодарском крае? На вопросы специального корреспондента «Огонька» Н. БЫКОВА ответил первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Герой Социалистического Труда Сергей Федорович МЕДУНОВ.

Щедра отечественная природа, наша страна богата, и мы к этому, естественно, привыкли, принимаем, что называется, как должное, наследуем богатства земли уверенно и частенько безоглядно. Материально-техническая база, сырьевые ресурсы и продукция народного хозяйства оцениваются во многие, многие миллиарды рублей, а потому и случаи бесхозяйственности, нерадения, непродуманных или морально устаревших конструкций или технологий стоят также немало. Газ, скижаемый на нефтепромыслах, редкие металлы, идущие в отвал, щепа и стеклянный бой, ботва и выжимки от переработки плодов и овощей — все это проходит по графе производственных отходов. «На тебе, боже, что нам негоже», — в недрах цинической души не хозяина рождаются подобные пословицы. Им противопоставлены расчет и дальновидность, которые извлекают пользу и прибыль как бы даже из «ничего».

А это большая наука! Именно она, наука рационального подхода к делу, вооруженная богатым инструментарием хозрасчета, на первом плане в наше время. Задоны экономики постепенно и неизменно вступают в свои права, они буквально заставляют чуть ли не на ходу перестраивать оборудование, целые предприятия.

Кубань — край развитой промышленности, а перерабатывающие отрасли имеют в ней большой удельный вес. Кубань — это и край устойчивого, высокотоварного сельского хозяйства. Здесь эффективно и последовательно идут процессы специализации, межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Большая роль края в решении продовольственной программы обязывает кубанцев искать новые пути повышения эффективности экономики. Тут поневоле каждый специалист еще и экономист. По крайней мере должен быть таким.

Вот с этого и началась у нас беседа с С. Ф. Медуновым.

— Сергей Федорович! Известны те грандиозные задачи дальнейшего развития нашей экономики, которые поставил перед партией, перед всеми нами XXVI съезд КПСС. Сейчас в стране разрабатывается долговременная комплексная продовольственная программа. И всем очевидна необходимость более тесной связи сельского хозяйства со многими отраслями промышленности. Идея такой технологической стыковки нашла свое отражение в планах создания аграрно-промышленных комплексов. Так вот, не являются ли специфические вопросы утилизации производственных отходов вопросами частными на фоне этих крупномасштабных задач?

— Ни в коем случае. Тут как

раз все наоборот. Повышенный интерес к новым технологиям, особенно к технологии безотходного производства, свидетельствует о качественно новой ступени развития нашего хозяйства.

В докладе на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев четко указал на важные реформы увеличения выпуска продукции за счет ликвидации потерь. Его меткие слова «Экономика должна быть экономной» мы понимаем как общепартийную, общегосударственную программу дальнейшего улучшения социалистического хозяйствования.

Опираясь на достижения науки и передового опыта, мы стремимся сократить потери во всех звеньях агропромышленного комплекса края, наращиваем мощности перерабатывающих отраслей, внедряем малоотходные и безотходные технологии переработки всей сельскохозяйственной продукции. Следует подчеркнуть, что эта работа в нашем крае ведется уже не первый год и направлена на максимальное использование отходов сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности для увеличения производства мяса, молока и других продуктов питания. Наряду с бесспорной экономической целесообразностью широкое внедрение малоотходных и безотходных технологий несет в себе и большой моральный фактор — приучает людей к бережливости.

— Каковы же основные направления внедрения новых технологий, например, в сельскохозяйственном производстве?

— У нас в крае в среднем за год для нужд животноводства заготавливается и перерабатывается на корма почти два с половиной миллиона тонн соломы и половины почти полмиллиона тонн ботвы сахарной свеклы, более ста семидесяти тысяч тонн корзинок и стеблей подсолнечника. В целях более эффективного использования фуражных ресурсов в крае создана мощная индустрия кор-

моприготовления, которая обеспечивает переработку в полноценные питательные смеси практически всех грубых и сочных кормов. Это позволяет перевести крупный рогатый скот и прежде всего молочное стадо на круглогодовое однотипное полноцационное кормление, повысить продуктивность животных.

Созданы на нас и крупная комбикормовая промышленность, которая производит свыше двух миллионов тонн продукции ежегодно. В связи с тем, что удельный вес зерна в комбикормах все еще высок, нами поставлена задача сократить его расход на десять — пятнадцать процентов за счет замены другими полноценными компонентами. Например, техническими отходами пищевой промышленности, которых наши колхозы и совхозы ежегодно получают от предприятий более полутора миллиона тонн кормовых единиц.

— Но есть и прямые отходы, например, солома, лузга, опилки, щепа?.. Утилизация отходов — не открытие.

— Для того чтобы ясной была наша позиция, следует оговориться — отходов нет! Не должно быть такого понятия в сельскохозяйственном или любом другом производстве. Нет отходов, но есть сырье! Сырье для химической, легкой, для пищевой промышленности. В крае давно применяется технология получения кормовых дрожжей из кукурузных кочерышек, подсолнечной и рисовой лузги, древесных опилок и стружки. Наряду с этим наши ученые и специалисты разработали технологию производства кормовых дрожжей из соломы озимой пшеницы и риса, виноградной лозы.

...Краснодарский ордена Трудового Красного Знамени химический завод. На территории головного предприятия плакат:

«Из 1 тонны кукурузных кочерышек можно получить: 238 килограммов кристаллического кисилита, 300 килограммов топливных брикетов, 238 килограммов кисилита, 86 килограммов фурфурова, 200 килограммов осветляющих углей, 81 килограмм кормовых дрожжей».

Процесс гидролиза прост и всеми понятен. С его помощью здесь делаются и конфеты (шоколад на кисилите) и, по существу из отбросов, кормовые дрожжи. Дрожжи эти содержат тот самый белок, без которого нет ни надоев, ни заметных привесов. Мясо — это прежде всего белок. И кто не слышал, что белка-то как раз не хватает в кормах на отечественных фермах. Белковую проблему помогают успешно решить в крае и краснодарские химики.

Кормовые дрожжи живут, размножаются и накапливают массу, богатую белками, за счет сахара. А сахар — продукт гидролиза тех самых отходов, которые вовсе не отходы, а сырье: кукурузные кочерышки, солома, в том числе и рисовая, лузга от семечек, даже

виноградная лоза и даже одуваны, то есть та в полном смысле труха, которая остается после экстрагирования дубильных веществ. Известно, что по содержанию белка одна тонна кормовых дрожжей способна заменить три тонны соломы или сто тонн соломы, или почти столько же солоса, или сто двадцать тонн кормовой свеклы. Научиться повсеместно, по примеру краснодарцев, утилизировать, перерабатывать солому, лузгу, лозу — и говядина будет расти, как на дрожжах. Впрочем «как» — слово абсолютно лишнее. Буквально на дрожжах. На кормовых, богатых белками.

Конечно, и проблем на заводе немало. Например, солома плохое «приспособлене» к загрузке в автоклавы, очень мал ее насыпной вес (он равен всего семидесяти килограммам — это вес кубометра соломы); и вот перепроверено несколько способов «утяжеления» соломы. Брикеты лучше, но их еще не делают в нужном количестве. Если брикеты и делать, то на месте, для самих химиков это дело хлопотное и невыгодное...

Поломать голову над новыми проблемами стоит. Только виноградной лозы на межах весной остается не меньше ста тысяч тонн! Краснодарский завод способен переработать до тридцати тысяч тонн кукурузных кочерышек (то есть выпустить около восьми тысяч тонн кисилита — кристаллического порошка, который заменяет «вредный» сахар в шоколаде, конфетах, джемах для больных диабетом). Но вот проблема — где накапливать и хранить такую массу «брововых» кочерышек, лузгу от семечек.

Беды эти не столь велики по сравнению с другими: тысячи и тысячи тонн сырья все еще считаются тходами. Они как бельмо на глазу, мешают населению, они объект гнева санэпидемслужбы. И в то же время химзавод еще в прошлом году проставил из-за отсутствия сырья.

Тонна лузги или кочерышек стоит 1 (один) рубль, а стоимость продукции, полученной из этого сырья, не менее 400 (четырехсот) рублей. Перспективная экономика, красноречивый язык цифр! Это поняли в некоторых кубанских станицах: нынче осенью це на тонны соломы, которую вчера чуть ли не жгли, поднялась до четырнадцати рублей! Живое дыхание хозрасчета... Конечно, подобное шарахание «на рынке бывших отходов» ведет к удорожанию и кормового белка, и шоколада на кисилите, и лекарств... И это тоже предстоит утрясти. Но такие заботы более приятны, чем факты бесхозяйственности.

Кстати, идея безотходной технологии настолько содержательна, что на химическом заводе сразу же обратили внимание на отходы собственного гидролизного производства — лигнина. И увидели глазами химиков, что лигнин — прекрасный материал для производства топливных брикетов. Спрос на новый вид топлива огромный — прибыли завода увеличился, а свалка исчезла... Дальше — больше. Тот же лигнин попробовали в качестве замены торфа в тепличном хозяйстве. Урожай ранних овощей поднялся. А технологическая цепочка, связавшая станицу с краевым городом, удлинилась еще на одно звено взаимовыгоды! Только что, в минувшем январе, завод реализовал по сходной цене более семисот тонн брикетов лигнина,

бывшего отхода. Заявки множатся, они ложатся на стол генерального директора, и обратные адреса говорят о том, что о делах краснодарских насыщены далеко. А тут уже пробуют даже «бражной», оставшийся после производства дрожжей, поливать корневые травы! И они стали быстрее расти. Чудеса? Можно и так сказать. Но правильнее сказать по современному: плодотворны пути технологического поиска. У кольца, очевидно, нет конца...

— Сергей Федорович! Концы и начала аграрно-промышленной интеграции ясны; краснодарцы показали, что преобразование отходов в неожиданно новые виды продукции в принципе освоены. Что же предстоит сделать еще в этом направлении?

— Еще недавно в молочной промышленности края недостаточно использовались для выработки пищевой продукции обезжиренное молоко, пахта, молочная сыворотка... За годы минувшей пятилетки специалисты отрасли разработали и внедрили такие технологии, которые позволили увеличить промышленную переработку обрата и пахты на десять процентов, при этом их использование в пище возросло в три с половиной раза. Если раньше лишь четвертая часть сыворотки находила применение, то теперь — втрое больше. В результате к нашему столу дополнительно направлены десятки тысяч тонн молока. В мясной промышленности в последние годы осуществлены меры по рациональному использованию отходов, полученных при переработке скота, птицы и кроликов.

Практически все ресурсы здесь идут в дело.

Вообще-то, объективно говоря, безотходная технология — не наше открытие. Хотя это не умаляет творческой инициативы тех специалистов в крае, которые на деле — в лабораториях, в производственных условиях — показали возможности безотходной технологии. Краевой комитет партии поддерживает и распространяет все полезные начинания в этой области. Большое значение, например, мы придаем новым методам безотходной переработки плодов и овощей. В прошлом году бюро крайкома КПСС одобрило инициативу инженерно-технических работников управления пищевой промышленности крайисполкома, которые решили в нынешней пятилетке работать под девизом: «Безотходную технологию — на каждое предприятие!»

Хотелось бы отметить, что в этом вопросе в последние годы у нас сложились хорошие деловые отношения с Академией наук Украинской ССР. Тесное содружество с учеными и специалистами нам во многом помогло. Оно позволило впервые внедрить в производство технологию получения из фруктовых выжимок пищевых продуктов, обеспечивает значительную экономию сахара, муки и других видов сырья при выработке кондитерских изделий. В крае уже действуют первые цехи по производству фруктовых порошков на Северском винзаводе, на Белореченском и Староминском пищекомбинатах и некоторых других предприятиях.

...Территория старого винзавода в станице Северской. Здесь разместились два новых просторных цеха. Не прошло и года — заводская территория была расширена, бывшее болото преобразилось: цеха, дорожки, газоны, беседка, цветники, молодые декоративные деревца... В одном цехе стали делать из яблочных выжимок чудесный фруктовый порошок — по суще-

Директор завода В. Ф. Самойленко и лаборант Татьяна Мальчикова.

Фото Б. КУЗЬМИНА

Сыре и продукция — начало и конец технологической цепочки.

ству, из «ничего». В соседнем, называемом «Цехом кубанских сладостей», делают мармеладную массу, а из нее конфеты.

Оказывается, при изготовлении соков, плодовых и виноградных вин в стране ежегодно остаются три-три с половиной миллиона тонн выжимок. Ничтожную часть

их скармливают скоту, свиньям, а большую массу вывозят за пределы заводов, чего страшно не любят ни работники эпидемстанций, ни жители... В Северской выжимки стали сырьем для изготовления порошка, который вполне заменяет сахар в кондитерской промышленности. Если краснодарское

начинание представить в цифрах, то экономика новинки такова: из полутора миллионов тонн яблочных выжимок можно ежегодно вырабатывать шестьсот—семьсот тысяч тонн сахара-содержащего порошка. А сколько тысяч тонн яблок нетоварного вида пропадает каждую осень в садах!.. Много

остается за «бортом» перерабатывающей промышленности нетранспортабельных фруктов. Все это ни для кого не секрет, и все это недопустимо в годы борьбы за эффективную экономику, за повышение качества работы в саду, на виноградниках и в цехах консервной, пищевой промышленности.

Наладить производство нового чудесного порошка — все равно что получить дополнительно семьсот тысяч тонн сахара. Такая арифметика вопиет против привычных, порою необъяснимых потерь фруктов. Тем более что фруктово-глюкозный порошок даже и не заменитель сахара — в нем есть все компоненты высоконченного продукта. К тому же фруктоза сама по себе более ценна, чем сахароза. Уже сейчас краснодарские пищевики значительно экономят фруктовое пюре, сахар, лимонную кислоту: все нужные для кондитерского дела компоненты есть в чудесном порошке.

В лаборатории Северского винзавода продолжается поиск новых способов применения фруктового порошка. Директор завода В. Ф. Самойленко сказал, что есть мысль наладить производство яблочного напитка. «Питательность, вкус и аромат будут обеспечены!» — заверил В. Ф. Самойленко.

Сергей Федорович, надо думать, что безотходная технология перспективна и в других отраслях промышленности?

— Прежде всего хочу сказать, что все сделанное в крае мы рассматриваем только как первые шаги в деле широкого внедрения этих прогрессивных технологий. Предстоит еще очень много поработать. Научно-практическую конференцию по этой проблеме в Краснодаре проводили Госплан СССР, Государственный комитет СССР по науке и технике, Академии наук СССР и Украины и Краснодарский крайком партии. На конференции представители заинтересованных министерств и ведомств, ученые, специалисты, практики сельского хозяйства и разных отраслей промышленности всесторонне обсудили назревшие в последние годы вопросы вовлечения в оборот новых видов сырья. На конференции приняты конкретные рекомендации по проведению этой работы. Замечу, что задачи эффективного использования всего, чем мы располагаем, актуальны не только для отраслей агропромышленного комплекса, но и очень важны для машиностроения, строительства, транспорта, топливной промышленности и других отраслей экономики Кубани. Бюро крайкома КПСС и крайисполком утвердили долговременную программу увеличения производства, добычи, повышения эффективности использования и экономии топливно-энергетических ресурсов в народном хозяйстве края, определили меры по рациональному расходованию металла на основе внедрения малоотходных технологий.

В комплексной программе важное место отведено расширению применения геотермальных вод. В крае большие геологические запасы этого источника энергии, и мы предусматриваем рачительное использование каждой калории тепла термальной воды. Некоторый опыт в этом плане у нас уже имеется. Тепло Земли используется для производства овощей в теплицах, обогрева производственных и животноводческих помещений, в рыбоводстве, стройиндустрии, коммунальном хозяйстве и бальнеологии. Наряду с этим за счет вовлечения в оборот вторичных энергоресурсов на предприятиях края предусматривается сэкономить в нынешней пятилетке около трехсот тысяч тонн условного топлива.

Таким образом, можно сказать, что в нашем крае складывается комплексная материально- и энергосберегающая система применения безотходных технологий. Словом, начало положено. Мы обрели уверенность в правильности выбранного направления. Работу по применению малоотходных и безотходных технологий краевая партийная организация будет настойчиво проводить и впредь.

— Как вы считаете, новая технология предъявляет дополнительные требования к проектированию, строительству, организации труда?

— Непременно, тут обратная связь очевидна. Любое новое дело требует и нового подхода в решении ряда назревших проблем. А таких проблем много. Это и проектирование новых объектов, и выделение необходимых средств на их строительство, обеспечение оборудованием и материалами. На наш взгляд, настало время при проектировании новых предприятий в обязательном порядке предусматривать цехи комплексной переработки сырья и полной утилизации всех отходов производства. А реконструкцию действующих предприятий надо бывать только с учетом внедрения безотходной технологии.

Серьезной проблемой является отсутствие или нехватка специализированного оборудования для безотходной технологии. Думается, уже сейчас надо предусматривать в государственных планах проектирование и серийный выпуск подобной техники. По-иному должны смотреть и транспортники на такие виды сыпучих грузов, как опилки, лузга, кочерыжки, нестандартные или скоропортящиеся фрукты, на дичку — дар лесов... Есть необходимость также продумать вопросы стимулирования внедрения малоотходной и безотходной технологий. И, конечно же, вести дальнейшие активные научные исследования в этом направлении. Иными словами, здесь открывается простор для творчески мыслящих людей, имеющих вкус ко всему новому, передовому. Главное — не допускать застоя. Ни дня без движения вперед! Ни дня без нового во всем — в мышлении, разработке новых планов и технологий, организации каждого конкретного дела.

И еще. Вся сумма организаторской и воспитательной работы должна материализоваться в конкретных результатах, ради которых и развернута работа по внедрению безотходных технологий.

— Но процесс обновления проходит небезболезненно?

— Пока все, что сделано и делается в крае по внедрению безотходных технологий, осуществляется на основе местной инициативы. Нам приходится решать все вопросы, связанные с этой проблемой, непланово. Инициатива всегда нуждается в понимании со стороны тех, кто решает вопросы создания материальной базы для ее осуществления. Мы ощущаем со стороны Госплана СССР, Госкомитета СССР по науке и технике, ряда министерств и понимание и помощь. Нам нельзя, конечно, останавливаться на полу пути, например, только из-за отсутствия оборудования для новых технологий. Мы будем активно продолжать работу по широкому внедрению безотходных технологий, которые позволяют экономить и разумно использовать ресурсы, заложенные в народнохозяйственном комплексе Краснодарского края.

ПОЭЗИЯ ЖАРКОГО СЕРДЦА

Чуждая умиротворенности лирическая героиня Ларисы Васильевой давно знакома любителям поэзии. Она из тех, кто вышел «слушать в мире ветер» (А. Блок). Этот романтический ветер шевелит страницы нового сборника поэта — ее «Избранного». «Какая молодость! Под ветром лететь на крыльях огневых», «В моих руках остался ветер синий», «По лазоревой дорожке ходит ветер-господин», «Я подставляла ветру губы»... Героиня Васильевой словно стоит на высоком взгорье, лицо ее открыто радостям, тревогам и страстям. Мы часто деликатно избегаем слова « страсть». А Лариса Васильева возвращает ему первозданный высокий поэтический смысл.

Вот, например, с какой щедростью написана поэтом картина осеннего рынка:

Цветы все в золоте пыльцы,
и сливы отливают шелком,
и огурцы, как огольцы,
с прилавков прыгают в кошелки...

Почти физически осозаешь упругость плодов, ощущаешь аромат, вкус. Казалось бы, повод невелик, а какой радостью бытия, жизни дышат эти поэтические строки. Или вот эти, волнующие нас узнаванием пережитого:

Грибами после сенокоса
запахло в воздухе тепло,
и все, что молодо и босо,
по синим лужицам пошло.

Мы откликаемся здесь не на мастерство (хотя оно несомненно), а на страсть, на накал чувства, который не подделаешь и который только и вызывает ответное биение сердца. Таков лиризм Ларисы Васильевой.

Он особенно ощущим в стихах о любви. Ни малейшего желания утишить, смирить чувственную бурю, стремления представить себя в выгодном свете, победительницей:

Солнце веточку не разбудит,
Ветер веточку — пополам.
Никогда ничего не будет.
Поделом тебе, по делам.

Строгие критики, наверное, назовут любовную лирику Васильевой «женской». Пожалуй. Но в этих женских стихах такое богатство оттенков чувства, что мужчины-поэты могут только позавидовать.

Но все же главная ее любовь — и гордость, и забота, и радость, и жажды — это любовь к России. В ее сборнике нет ни одного патрдного, формального стихотворения о Родине, ничего, что не прошло бы через горнило сердца.

Вот историческая тема — поэмы, стихи. Мелькают имена: Игорь, Ольга, Ярославна, Дмитрий Донской. Но не подверсташь поэта ко многим прочим: в ее героях ни сусальности, ни иконописности: они живые, земные,

Лариса Васильева. Избранное. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1981 г., 464 стр.

горячие люди («Княгиня Ольга»). А причина здесь все та же:

Но лишь потому я вмещаю
далеких тревог бытие,
что Родину я ощущаю,
как жаркое сердце свое.

Порой неожиданна и вместе с тем убедительна интонация в ее стихах о Родине: не только прославление, но и жалость (в народном языке «жалеть» — «любить»), и осторожная бережность и нежность:

Что такое Родина?
Не знаю.
Государство?
Истина?
Земля?
С краю обхожу, не заминаю
синие горячие поля.

Однако неправильно было бы думать, что наша современница, советский поэт, любит на земле лишь вечное, непреходящее. Сегодняшний день вторгается в ее стихи не только скоростями самолетов, бетоном и стеклом новых зданий, но и памятью войны и счетчиками Гейгера... И она делает единственный закономерный и программный вывод:

Пусть все равно, в каком краю
Отечества живешь.
Не все равно, в каком бою
ты голову кладешь...

Я чувствую себя любой
из всех из вас — любым.
Одна земля.
Одна любовь.
В веках на том стоим.

Жизнь поэта сложилась так, что ей пришлось не просто бывать, но и жить за границей. В книге есть целый цикл «Письма из Англии». Тосковала она там, как тоскуют вдали от Родины. Но широта и глубина ее патриотического чувства, может быть, еще больше проявилась в добром и нелицеприятном отношении к чужой стране. Любящий — добр!

Книга охватывает большой период времени. Поэт становится зрелым, к нему приходят философские мысли о вселенной, о времени, о смене поколений. Все больше таких стихов-раздумий у Ларисы Васильевой. Одно остается для нее неизменным — жар ее сердца. Ей никогда не быть с теми, кто «равнодушiem наказан, сильней, чем грешники костром».

М. ГРИНЕВА

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ПОДВИГ

В мастерской Владимира Ефимовича Цигаля, известного скульптора, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Государственных премий, можно увидеть много интересного. Здесь — законченные, отлитые в бронзе, высеченные в мраморе, и, напротив, только эскизные пластические портреты-образы современников, военачальников времен войны и бойцов, макеты мемориальных сооружений, фотографии памятников, уже установленных в разных городах страны. Это как бы зеримый пласт нашей эпохи.

— Историю рисует, — говорили о В. Цигале десантники. Ведь даже под обстрелом и бомбами он не расставался с альбомом и карандашом, а ребята будто предвидели, что через много лет шестьсот созданных тогда рисунков станут началом трудной, быть может, главной работы его жизни...

Творческая биография В. Цигаля началась вместе с Великой Отечественной войной. Тогда студент последнего курса Московского художественного института, автор дипломной работы, посвященной Николаю Островскому, он ушел добровольцем на фронт. Дороги сражений привели его и на Малую землю.

В предисловии Политуправления было сказано: «Студент-дипломник направляется для наглядной агитации в Черноморский флот». Ту формулировку В. Цигаль понял по-своему: почти без отдыха рисовал товарищам по 255-й десантной морской бригаде, а когда эти товарищи пошли на труднейшее, смертельно опасное задание, он, не включенный в группу, все-таки добился участия в операции и высадился в числе других на рыбозаводе, близ Новороссийска, на пятачок площадью всего лишь двести на триста метров, на знаменитую теперь Малую землю. Здесь художник был одним из тех, кто выпускал популярнейший на Черном море оперативный сатирический журнал «Полундра», посыпал регулярно рисунки, рассказывающие о подвигах десантников, в газету «Красный черноморец». Это была своеобразная летопись военных будней, это было преддверие огромной работы будущего...

— На Малой земле я узнал мужество и героизм воинов, — говорит **Владимир Ефимович Цигаль**. — И многое, что довелось мне потом сделать в искусстве, что воплотилось в граните и мраморе, идет от тех дней, связанных с чувствами и впечатлениями, которые залегли и переплавились тогда в моей душе. Наверное, без этого у меня не было бы и таких работ, как памятники генералу Карбышеву и Мусе Джалилю или скульптурная композиция «Рихард Зорге». Хотя истоки тут, конечно, не тематические, однако участие в войне помогло мне постигнуть и ощутить природу человеческой стойкости, силу патриотических характеров.

Само собою понятно, с каким подъемом и сознанием ответственности откликнулся я на Всесоюзный конкурс, объявленный ровно десять лет назад для создания на новороссийской земле мемориала в память героев гражданской и Отечественной войн. Судьбе было угодно, чтобы наш проект, выполненный в сотрудничестве с членом-корреспондентом Академии

художеств СССР, заслуженным архитектором РСФСР, лауреатом Ленинской премии Я. Б. Белопольским и архитекторами Р. Г. Кананиным и В. И. Хавиным, занял первое место. С тех пор мы единым и нерушимым коллективом трудимся не покладая рук.

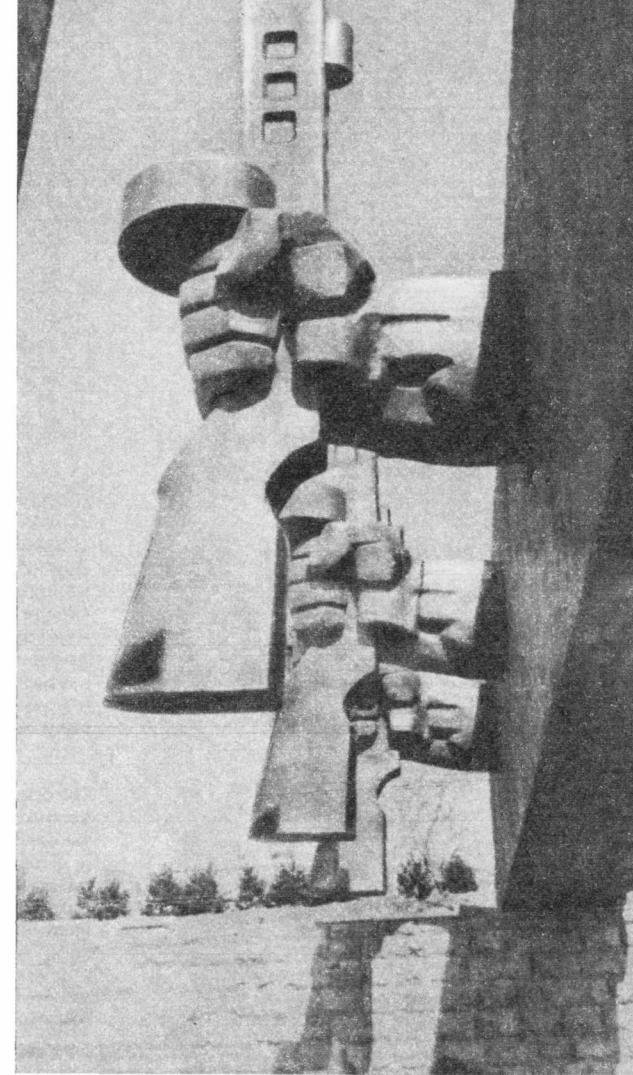
Новороссийский мемориал — это скульптурно-архитектурный комплекс в виде своеобразного триптиха. Его первая часть — у цементного завода «Октябрь», где в 1942—1943 годах проходила линия обороны. Л. И. Брежnev вспоминал потом: «В районе цементных заводов был создан огненный рубеж, который остановил наступление фашистов».

Сколько ни бились тогда гитлеровцы, дальше они пройти не сумели. Об этом напоминает огромная медная балка, похожая на шлагбаум и как бы перекрывающая сухумское шоссе. С одной стороны балки можно видеть условную карту Новороссийска, обозначающую рубеж кровопролитных боев в этих местах, с другой — выкованные из металла солдатские руки, сжимающие автоматы.

Вторая часть комплекса относится к дальним событиям июня 1918 года, когда во имя революции мужественные моряки-черноморцы затопили боевые корабли, чтобы они не достались кайзеровской Германии и белогвардейцам. Здесь издалека можно видеть огромную, изваянную на отвесной скале в граните фигуру матроса времен гражданской войны, а прямо против нее, на берегу — мощный кубизир, сквозь который просматривается Цемесская бухта, акватория затопления, а также эмблема морской сигнализации: «Погибаю, но не сдаюсь». На кубе выбита надпись: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Эти памятники готовы, установлены, и теперь каждый, кто проезжает к Новороссийску, может увидеть их. Третья же часть ансамбля, пожалуй, самая масштабная, на Малой земле, пока еще в работе, и мы трудимся, как говорится, без выходных и праздников.

Что будет представлять из себя этот памятник? На плане сверху его можно принять за стрелу, точно указывающую со стороны моря на место высадки легендарных десантников. Чуть больше воображения, и это уже нос гигантского корабля, поднятый над землей на высоту более десяти метров. Впечатление будет усиливаться еще оттого, что с его «левого борта» стремительно высаживается на сушу группа десантников. На «правом же борту» — барельефы, изображающие атаку, в ко-

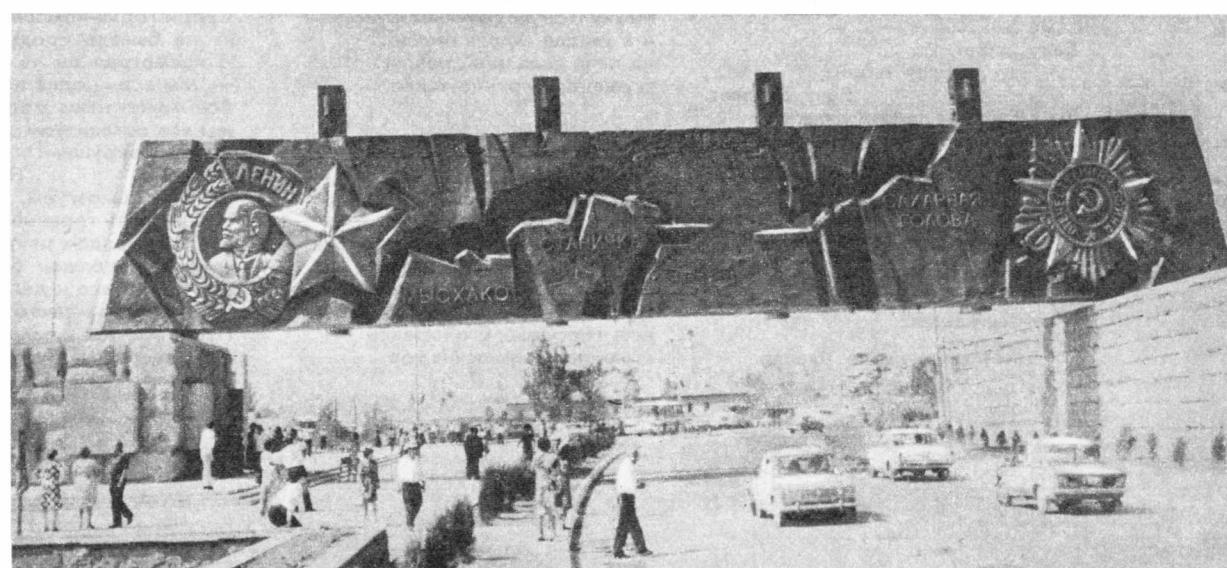
Фрагмент монумента «Рубеж обороны».

торую идут все рода войск. В свежую погоду прибой станет касаться фигур, и оттого возникнет ощущение, что пехотинцы, моряки, артиллеристы, танкисты прямо из моря выходят на Малую землю.

С каждой неделей, приближающейся к открытию этой третьей части комплекса, трудовое напряжение все нарастает. На Малой земле отдают свои души и свой талант новороссийские строители и монтажники, ленинградские и мытищинские бронзолитейщики, московские гранитчики. Сегодня мы живем как бы на два дома: там, где под Новороссийском идет стройка, и здесь, в Москве, в своих мастерских. Мы живем еще и как бы в двух временных измерениях — теперь и тогда, в месяцы тех незабываемых событий Великой Отечественной войны. И хоть написаны о подвиге малоземельцев книги и живописные полотна, хоть сложены песни, сняты фильмы, изучен каждый сантиметр этого обожженного солнцем каменистого берега и пройден по часам каждый из 225 дней его обороны, мы открываем для себя и теперь новые, так необходимые нам для жизни и работы, драгоценные штрихи. Ведь для всего моего творчества время, пережитое на Малой земле, стало настоящим крещением и неисчерпаемым источником веры в высокое благородство советских людей.

Интервью провел А. ЕФИМОВ.

Монумент «Рубеж обороны». Здесь были остановлены гитлеровцы.

Матрос революции.

Скульптор В. Е. Цигаль, архитекторы Я. Б. Белопольский, Р. Г. Кананин, В. И. Хавин.

МОЙ АЗЕРБАЙДЖАН

Микола УПЕНИК

НОЧНОЙ БАКУ

Как только к вечеру спадет
зной над Хазаром!
и память о былом всплынет
закатным жаром,
как только скроет солнца свет
хребет Кавказа,—
минувший день, как в бездну лет,
сорвется сразу,
и ночь над городом парит,
огнем играет:
Баку живет,

Баку творит,
Баку дерзает.

Тебя всегда я знал таким
неугомонным,
и пламенным, и боевым,
и непреклонным,—
ты вскормлен соками Земли,
ты полон ими,
и даже камни нарекли
здесь Нефтяными.
Здесь и сырая тьма горит,
день продолжает:

Баку живет,
Баку творит,
Баку дерзает.

Я в грозный час узнал тебя:
ночные бури
громели, клиньями рубя
клочки лазури,
тогда в меня вошел ты весь,
и ясно было,
что труд фронтов сомнулся здесь
с геройством тыла,
что дух твой крепкий, как гранит,
тьму разрывает,—
Баку живет,

Баку творит,
Баку дерзает.

Ты в светлой памяти людской
любви достоин,
как комиссар двадцать седьмой,
как славный воин,
твои пути озарены
отвагой вечной,
огнем Победы и Весны
ты был увенчан,
ты всюду в мире знаменит —
и каждый знает:

¹ Древнее название Каспия.

Баку живет,
Баку творит,
Баку дерзает.
Перед тобою я стою,
сын Украины,
склоняя голову свою,
свои седины,—
на шумных улицах твоих
всегда лучисто,
из звезд небесных и земных
дрожит монисто,
и эта нитка вдаль скользит
и ночь пронзает:
Баку живет,
Баку творит,
Баку дерзает.
О город, ты наш труд поиши
земною кровью,
ты старину в себе таишь
и дышишь новью,
ты грудь подставил всем ветрам
на Апшероне
и щедро открываешь нам
свои ладони,
и жизнь вперед свой путь торит,
не отступает:
Баку живет,
Баку творит,
Баку дерзает.

ВЛАСТЕЛИН ОГНЯ

Светлой памяти Н. С. Тихонова

В томительный зной в Сумгайте
я тени нигде не найду —
свирепое солнце в зените
пылает, земле на беду.
Разжарен песок Апшерона,
заявив, поникла трава,
деревья — за крону крон —
склонились и дышат едва.
Огнем все пространство согрето —
до ночи безумствует он:
в такое пальящее лето
мир, кажется, испепелен...
Но тут для меня распластала
судьба два могучих крыла
и в царство труда и металла
спасителью перенесла.
Пройдя сквозь ворота упрямо,
явился вдруг вызовом дню
не тлен Сураханского храма,
не жрец, что молился огню;
не свод, вознесенный когда-то,
не древность в лампадном луче,—
Борец, Человек, Созидатель
с крюком, как багор, на плече.
Он вел нас к гудящим мартенам,
где сталью расчерчена высь,
и реки показывали те нам,
которые плавкой звались.
Зажег он светило земное —
владыка всех огненных сил,
он правил немыслимым зноем,
он пекло себе подчинил.
Махнул он подручным рукою —
и я увидел сквозь стекло:
из печи слепящей рекою
сгущенное солнце текло.

ДОРОГА В ЛЕРИК

Глухой к открытиям американ
и от тщеславия далек,
прокладывал я тропку в Лерик —
земли приветный уголок.
Я слышал: там, где перевалы,
где льды закрыли кругозор,
есть городок... Его назвали
столицею Талышских гор.

не хуже, чем в Казахе! —
И дело бойко повела
plenительная Джамила.
Все так ли было в этот раз —
я утверждать не буду,
но вдохновило на рассказ
меня такое чудо:
в том самом царстве гор и скал,
среди улыбок братских
я этим девушкам читал
тетради стихов донбасских.
И не забуду я никак:
из рук азербайджанок
я получил, как дружбы знак,
прекраснейший подарок.
В моей квартире, предо мной
багрянцами своими
сияет коврик расписной,
который соткан ими.
Смотрю я на его узор —
и вновь, себе в награду,
я вижу небо, выси гор,
Талышские громады...
Волшебный тот букет сплела
своим искусством Джамила.
Ему сиять, ему цветы
над необъятным краем,
мы дружбой на своем пути
сердца навек сплетаем.
Как будто молодость сама
на том ковре сияет,
и перед этим светом тьма
навечно исчезает.
Свободно труд чудесный твой
к высотам устремится,
и мир все клады пред тобой
раскроет, мастерца!
Владей богатствами земли,
искусница такая,
наследуй мудрость Ширили¹,
красу родного края.
Чтобы на склонах Талышей
родня тобой гордилась,
чтоб доброта души твоей
потомкам полюбилась.
Чтобы во все века жила
plenительная Джамила.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ К ГЁК-ГЁЛЬ

Нежная песенка

Вблизи Днепра, средь зимних
дней,

Гёк-Гёль,
ты видишься душе моей,
Гёк-Гёль.
Мне помнится тот светлый час,
Гёк-Гёль,
когда судьба сдружила нас,
Гёк-Гёль.
Прошедшего не возвратить,
Гёк-Гёль,
но как тебя мне не любить,
Гёк-Гёль?..
Промчались юности лета,
Гёк-Гёль,
и вот сбылась моя мечта,
Гёк-Гёль.
Перед тобою я стою,
Гёк-Гёль,
и красоту я пью твою,
Гёк-Гёль.
О, весь ты — чудо из чудес,
Гёк-Гёль,
в тебя глядится глубь небес,
Гёк-Гёль.
Разлив твоих бездонных вод,
Гёк-Гёль,
неудержимо вдаль влечет,
Гёк-Гёль.
...Бушует в Киеве пурга,
Гёк-Гёль,
я зову во мглу, в снега:
— Гёк-Гёль!
— Гёк-Гёль!
— Гёк-Гёль!
— Гёк-Гёль!²

Авторизованный перевод
с украинского
Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.

¹ Ширили Муслимов — долгожитель из Лерика.

² Гёк-Гёль — «Синее озеро».

С. Одайник. Род. 1949. В ПУТИ. 1981.

А. Блиок. Род. 1946. ПРАЗДНИК. АЛЫЕ ПАРУСА. 1981.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

С. Оссовский. Род. 1958. ПРИЧАЛ НА БАЙКАЛЕ. 1981.

5
7
8
3
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА II

ТРЕТЬЯ ЧЕРЕПАХА

Строго рассуждая, родословная решительно всех людей на свете, будь то короли или обыкновенные землепашцы, растет из одного корня. Он уходит в глубину веков, а если все же допустить, что прародителями человеческими были Адам и Ева, то у коронованных особ вообще нет никаких оснований чваниться своей родовитостью. Самое большое, чем они могут гордиться — так это предприимчивостью своих ближайших предков, умевших делать карьеру. А если принять во внимание, что карьеры венценосцев, как правило, делились с применением весьма сомнительных средств, то их потомкам более приличествовало бы не гордиться, а испытывать острый стыд, однако этого почему-то не бывает.

Большинство честных, работающих, так называемых простых людей знают свою родословную в лучшем случае до прадеда и пррабабки, но это вовсе не означает, что все они — Иваны, не помнящие родства. Это означает, что их личная родословная растворена в истории народа. А общая народная память надежнее любых метрических выписок. У Твардовского очень верно сказано: «Мы все — почти что по-головно — Оттуда люди, от земли, и дальше деда родословной Не знаем: предки не висят...».

Правда, у каждого наступает в жизни такой момент, когда хочется пробиться в глубь прошлого ниже того пласта, где лежат прадедовы кости. Но если у человека есть дети и внуки, он больше думает о потомстве, а о предках — лишь мимолетно, и в этом заключен глубокий благословенный смысл...

...Так размышлял Анатолий Иванович Серегин под плотный ровный гул двигателей самолета ИЛ-62, полулежа в откинутом кресле и закрыв глаза, на высоте девять тысяч метров. У него была давно укоренившаяся привычка: если он о чём-нибудь задумывался, то обязательно старался определить начало той цепочки ассоциаций, которая привела его именно к этому предмету, а не к какому-нибудь другому. Вот и сейчас он спросил себя: с чего это вдруг ему в голову пришла мысль о родословных? Стал докапываться, раскручивать в обратном порядке и нашел.

Летел он в Москву по делу, в котором фигурировали Сашка Балакин и, как говорило ему предчувствие, другой его друг детства. Все трое были они равны, что называется, по происхождению и сделаны вроде бы из одного теста, а взять хотя бы его, Серегина, и Балакина... Уходили они во взрослуу жизнь из общего гнезда и вот разошлись, как две линии, прочерченные из одной точки под тупым углом. От происхождения, вероятно, и перешла его мысль к родословной...

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

Анатолий Иванович Серегин в свои пятьдесят пять лет не испытывал потребности добираться до самых корней собственного генеалогического древа. Во-первых, потому, что у него росли уже два внука, и, согласно его же разумению, ему следовало заботиться о будущем. Во-вторых, у начальника областного управления внутренних дел нет времени копаться в материалах, которые он сам называл потусторонними.

Однако историю своего рода полковник милиции Серегин знал хорошо (в согласии с его самодеятельной теорией — до прадеда включительно) и постарался, чтобы его сын и дочь тоже ее запомнили. Он питал тайную надежду, что и внуки его узнают ее из уст своего деда — ведь им уже по три года, а Серегин рассчитывал еще пожить лет, скажем, десяток, хотя сердце порой и пошаливает.

Прадед его родился где-то между 1815-м и 1820 годом и был крепостным пензенского помещика. Он ставил избы, клал печи, ладил сани и коляски. В 1857 году Никита Серегин получил вольную — за то, что вынес из горящего помещичьего дома господских детей. Как говорил полковнику Серегину его дед Дмитрий Никитич, об этом имелся документ да потерялся где-то. Дед держал лавку скобяных товаров в Благовещенске — следовательно, был уже, так сказать, представителем мелкой буржуазии. А отец, Иван Дмитриевич, окончив реальное училище, в 1914 году вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и стал профессиональным революционером.

Об отце своем полковник Анатолий Иванович Серегин мог бы поведать много — не хватит времени рассказать и сотую долю, пока реактивный лайнер летит от зауральского города до Москвы. Если же отмечать только ключевые события, довольно будет нескольких строк. В 1934 году Ивана Дмитриевича назначили начальником цеха на металлургический завод в городе Электротропаде, где ему дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном бревенчатом доме — первую в его жизни отдельную квартиру. Его сыну Анатолию было тогда десять лет.

Осенью 1941 года часть завода, в том числе цех Серегина, эвакуировали на восток, и из этой части вырос во время войны самостоятельный завод, директором которого до самой своей кончины, до 1969 года, был Серегин.

Анатолия Серегина, родившегося в 1924 году, призвали в армию в сорок втором. Анатолий бредил и грезил разведкой, что было слегка наивно для стриженного под ноль и еще не начавшего бриться новобранца. Но желание его почти осуществилось — с маленькой поправкой. Он попал в ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (отец посодействовал, обратившись к давнему своему товарищу по чекистской работе). Серегина научили подрывному делу и еще многому, что необходимо уметь диверсанту, действующему в глубоком вражеском тылу. Потом, в начале 1943-го, их сбросили на парашютах в одном из районов Правобережной Украины, и полтора года Анатолий ходил по тылам оккупантов, рвал рельсы, бензосклады, минировал шоссейные дороги. Всякое бывало — и бой в окружении, иочные налеты на железнодорожные станции, и быстрые отходы перед по-

давляющими силами карателей, когда невозможно даже склонить убитых друзей. Анатолия ранило три раза, но ему везло — пули попадали в ноги, и только в мягкие ткани. Его наградили орденом Славы III и II степеней и медалью «За отвагу».

В декабре 1945-го его демобилизовали, как имеющего три легких ранения, и он уехал в Сибирь, домой, к отцу с матерью. До осени 46-го отдыхал (вернее, заново проходил десятилетку — по учебникам, по школьным своим тетрадям), а осенью поступил на юридический факультет Московского университета — приняли его вне конкурса, демобилизованным тогда установили льготы. С этого момента биография его во многом напоминает биографию майора Баскова, но с учетом семнадцатилетней разницы в возрасте...

Так что, можно сказать, не совсем случайно судьба свела их в аэропорту Домодедово, где майор Басков встречал полковника Серегина.

Как они условились накануне по телефону, майор ждал Серегина в комнате милиции.

Когда поздоровались и назвали себя по фамилии, Басков, увидев, что Серегин держит в руке довольно тяжелый портфель, несколько удивленно спросил:

— Вы вот так, налегке, товарищ полковник?

— Меня зовут Анатолий Иванович, — улыбнувшись, сказал Серегин. Ему хотелось сразу задать нужный тон, показать, что он тут не начальник, а товарищ Баскову. — Я ненадолго.

— Извините, Анатолий Иванович, я подумал: если ваши предположения окажутся верными... Ну, насчет пострадавшего... с черепахой...

— Тогда я вам действительно буду полезен, тогда придется задержаться... Ну да ничего. — Он похлопал по портфелью. — Пара белья и рубаха у меня есть. А костюм, как видите, новый, чувствую себя в нем, как пес в наморднике.

Баскову сделалось легко с этим незнакомым человеком, старше его и летами и званием.

— В таком случае прошу, Анатолий Иванович. — Басков толкнул дверь, пропуская Серегина впереди себя, и они пошли к ожидающей их машине.

Шагая скобу и чуть позади, Басков оглядел полковника, который, видно, и вправду испытывал неуютность в своем необношенном, с иголочки, синем костюме. Он был на полголовы выше Баскова и немножко грунтоват; волосы, еще густые, из-за седины были цвета перца с солью; лицо странно не гармонировало с фигураной — при такой комплекции, кажется, полагались бы круглые твердые щеки и мясистый подбородок, а меж тем лицо у Серегина было сухое.

В общем, внешность полковника по первому впечатлению внушала Баскову симпатию. А главное, ему понравилось, как это он сказал своим глуховатым низким баритоном про пса в наморднике...

— Вы чего это меня сопровождаете? — добродушно-насмешливо сказал Серегин. — Я же не знаю, куда идти, вам положено гостю дорогу показывать.

— Еще раз извините, Анатолий Иванович. — Басков зашагал бровью.

— Вас как зовут?

— Алексей.

— А по батюшке?

— Можно без батюшки.

— Ну быть посему, так удобнее.

Басков подумал, что ведет себя с этим симпатичным полковником примерно так, как Марат с ним, Басковым, но не почувствовал при этом укола своему самолюбию. Он и переднюю дверцу машины открыл перед Серегиным с удовольствием. Но Серегин, поздоровавшись с шофером, сказал:

— Давайте на заднее... Попросторнее...

Машина выскочила на шоссе и покатила к Москве.

— Номер в гостинице вам забронирован,— сказал Басков.

— Где?

— «Будапешт».

— Это хорошо... Недалеко...— Серегин имел в виду, что недалеко от Петровки, 38.— Живал там...

— Значит, сейчас прямо туда, а завтра...— начал было Басков, но Серегин мягко перебил его:

— А что мне там делать? Сколько сейчас по-московски?

— Ровно пятьнадцать.

— Вот видите, я на запад летел, четыре часа выгадал. Надо употребить их на пользу.— Он показал Баскову свои наручные часы, на которых часовая стрелка упиралась в цифру 7.— Кстати, переведем-ка их.

— Но вам отдохнуть не мешает.

Серегин провел тыльной стороной руки по подбородку.

— Не устал... А вот щетинку срубить действительно не мешает. Я ведь брился, если по-московски, в три часа ночи, а по-нашему в семь утра.

Басков предложил:

— Знаете что, Анатолий Иванович, поедемте ко мне. Сын на даче, жена на работе. Побреетесь, перекусим малость, машина нас подождет...

Серегин согласился:

— Ну что ж, годится.

— На Новослободскую, Юра,— сказал Басков шоферу.

Басков понял, что с полковником Серегиным ему работать будет ловко и просто.

...На бритье и обед ушло полчаса.

— Ну, пора зарплату отрабатывать,— сказал Серегин, вставая из-за стола.— Спасибо за хлеб-соль.

— С чего начнем?

Серегин кивнул на груду тарелок в раковине.

— Посуду помыть надо.

— Жена управится.

Серегин серьезно посмотрел на Баскова.

— Я хотел бы взглянуть на пострадавшего.

— Там ведь, Анатолий Иванович, лицо — в крошки.

— Имею в виду наколку...

Без четверти шесть они, одетые в белое (даже ноги в белых полотняных бахилах), вошли в палату, где лежал пострадавший.

Нет, лежал — сказано неправильно. Он был подвешен в воздухе на некоем подобии гамака, растянутого между четырьмя никелированными металлическими стойками. Обртый череп блестел, как старый пожелтевший бильярдный шар. Укрытое до пояса простыней тело с обнаженным торсом было обвито разноцветными эластичными трубками, тонкими, как телефонный провод, и толщиной в мизинец. Трубки и трубочки змеились от ног из-под простыни, от рук, лежавших вдоль тела. Три трубочки, короткие, как стержень шариковой ручки, торчали из того запекшегося мяса, которое должно было называться лицом, — две на месте ноздрей и одна на месте рта. Голова поддерживалась системой резиновых лент, проходивших под шеей. В изголовье стоял большой стеклянный шкаф без задней стенки, заполненный на разных уровнях стеклянными же и никелированными сосудами, соединенными между собой сетью стеклянных трубок, — это было похоже на действующую модель какого-то сложного химического производства, показываемого в разрезе. В изножье стоял пульт, напоминавший приборную панель автомобиля, на нем горели красные, желтые, зеленые глазки индикаторов. В углу, подобный торпеде, тяжко утвердился голубой баллон с кислородом. Пахло лекарствами и чуть ощущало — кровью.

В общем, зрелище было не для слабонервных, у впечатлительного человека, вероятно, закружилась бы голова, и пришлось бы ему

дать понюхать нашатыря. Но те, кто пришел сюда сейчас, увы, видели и не такое. Они были невозмутимы.

Серегин обернулся к сопровождавшему их доктору и тихо, словно боясь разбудить спящего, спросил:

— Можно мне поглядеть?.. Левую руку...

— Больше всего мы боимся инфекции,— так же тихо ответил доктор.— Но вы почти стерильны... Только недолго...

Серегин приблизился к гамаку, присел на корточки и посмотрел на запястье левой руки казавшегося бездыханным человека — он лежал левым боком к вошедшем.

Синяя черепашка величиной с грецкий орех, с панцирем в клеточку, как шахматная доска, с затушеванными всплошной лапами, головой и хвостиком, ползла от кисти к локтю по лимонно-желтой истончившейся коже.

Серегин поманил доктора и Баскова.

— Прошу вас, на минутку.

Они подошли, наклонились.

Серегин показал на полусжатую левую кисть пациента и сказал доктору:

— Мне надо посмотреть на указательный палец.

— Это нетрудно,— сказал доктор и распрымил кисть.

Серегина интересовала первая фаланга указательного пальца.

— Вот, видите шрамик? — прошептал он Баскову.

На первой фаланге белела тонкая нитка шрама, скобой охватывавшая палец от основания ногтя до центра подушечки.

Доктор приглядился внимательнее и сказал:

— Очень давняя травма. Вероятно, в детстве.

Серегин выпрямился, довольный.

— Совершенно верно, доктор. Это было еще до войны. Спасибо, мы пошли.

В коридоре Басков спросил у доктора:

— Как он?

— Вы знаете, будем надеяться на лучшее. Очень здоровое сердце.

— В медицинском заключении есть печальные выводы...

— Относительно паралича и прочего? — уточнил доктор.

— Да.

— Сейчас невозможно предсказать, но, видите ли, в нашей практике бывали случаи и тяжелее, однако все постепенно компенсировалось.

— Благодарим вас, доктор...

В машине Серегин долго молчал. И сигарету, предложенную Басковым, взял и прикурил, не поблагодарив. На несколько минут он совершенно преобразился, потеряв всю свою добродушную общительность, словно недолгое пребывание там, в палате, что-то переключило в нем на совсем другую волну.

— Вот как оно бывает в жизни,— наконец прервал молчание Серегин.

Он вздохнул при этом так печально, что Басков не решился задавать соболезнующие вопросы. Подъезжали к Белорусскому вокзалу, нужно было решать, куда теперь ехать, поэтому он задал чисто деловой вопрос:

— Что дальше, Анатолий Иванович?

— У вас дело Балакина на руках? — спросил Серегин.

— Да.

— Вообще-то в министерство бы заглянуть надо, повидать кое-кого, но это и после можно... Поеедем-ка к вам.

— Но вам устроиться надо, Анатолий Иванович.

— Что, боитесь, мой номер эти перехватят, которые в Москву не за песнями, а за коврами приезжают? — Серегин снова был таким, каким встретил его Басков в аэропорту.

— Ну, в «Будапеште» этот номер у них не пройдет,— сознавая, что каламбурит не очень-то удачно, ответил Басков и добавил серьезно: — В крайнем случае поживете у меня, места хватит.

— Спасибо, дорогой. Давно в гостиницах не жил, соскучился. Давайте на Петровку, а?

На площади Маяковского они свернули влево и поехали по Садовому кольцу. Баскову не терпелось спросить, что выведал полковник, когда рассматривал левую руку ра-

неного. Но он считал нетактичным начинать первым разговор на эту тему. Должно быть, полковник Серегин, как и он сам, Басков, не любит торопиться с заключениями, однако в отличие от Баскова еще умеет и терпеть, не подгонять события. Но вот и приехали...

Войдя в кабинет, Серегин скинул пиджак. Басков открыл сейф, достал дело Балакина и положил его на стол.

— Садитесь на мое место, Анатолий Иванович, а я чайку попробую организовать.

Серегин, закурив, долго глядел на папку, не раскрывая ее, словно желая продлить предвкушение, какое охватывает человека, много лет разыскивавшего вождеменную книгу и наконец-то заполучившего ее. Потом раскрыл, но читать не стал — его интересовали фотографии.

Басков вернулся с подносом, на котором стоял большой фаянсовый чайник, два стакана и вазочки с сахаром.

— Налить, Анатолий Иванович?

— Угу, спасибо.— Серегин все смотрел на фотографию, изображавшую Балакина, каким он был десять лет назад, когда совершил ограбление в Московской области и был разыскан сотрудниками областного УВД.

Басков налил чаю полковнику и себе, сел к маленькому столику, спросил:

— Узнали?

— Он, Сашка Балакин, Сашка Брысь. Славный был парень.— Серегин положил в стакан два кусочка сахара и, помешивая ложечкой, сказал задумчиво: — Интересная всяческая система — человек...

— В каком смысле?

— Я говорю, вроде машины времени. Поглядишь на старика, и можно представить, каким он был в пятнадцать лет. И наоборот, видишь мальчишку и угадываешь, каким он будет в старости. А уж если знаком был в детстве — через сто лет не спутаешь... Яблочко румяное высохнет на ветке — а все равно яблочко...

Басков достал из сейфа паспорт Балакина, дал Серегину.

— Это в прошлом году...

Серегин взглянул на фотокарточку, сказал:

— И тут похож...— И после долгой паузы добавил: — Вот теперь могу вам сообщить имя пострадавшего: Игорь Шальнев, а по отчеству Андреевич... Отца его я тоже знал, и мы, ребята, звали его дядей Андреем...

Наступило долгое молчание, как часом раньше в автомобиле. Оба они, Серегин и Басков, понимали, что сказанное — может быть, самый важный момент в деле о происшествии на бульваре Карбышева.

— А почему вы обязательно палец хотели посмотреть, Анатолий Иванович? — задал Басков вопрос, который ему хотелось задать еще по дороге из больницы.

Серегин улыбнулся устало.

— Черепашек на руках и на прочих частях тела можно много найти, а такой рубчик на пальце — штука уникальная, особенно в сочетании с черепашкой, и известен он из ныне живущих только мне да, пожалуй, Балакину, если он еще топчет землю.

— Мне лично такие татуировки встретились впервые... Правда, две в один день.

Серегин отстегнул запонку на левой манжете, закатал рукав.

— Могу пополнить вашу коллекцию, молодой человек.

Басков с нескрываемым изумлением смотрел на руку полковника. Бледно-синяя черепашка — точно такая же, как у пострадавшего, имя которого он только что узнал,— ползла от запястья к локтю.

— Удивляетесь? — спросил Серегин, вдевая запонку.

— Третья черепашка за три дня...

— Вот почему я палец должен был увидеть.

Басков встал, прошелся от окна к двери и обратно.

— Повезло мне, Анатолий Иванович, первый раз в жизни так везет.

— Это везение, молодой человек, было зарождено еще в тридцать седьмом году,—ironically, как бы возражая, сказал Серегин.— А вот у него, у Игоря, сестренка была... Если жива-здорова, да разыскать ее — вот тогда действительно повезет.

— Главное, он бы в порядок пришел.

— Ну, врач же дает надежду.
— А вы, Анатолий Иванович, последний раз давно Шальнева встречали?

— В сорок первом году.

Басков присвистнул: мол, что тут толку?

— Но зато мы знаем, откуда танцевать,—

сказал Серегин.

— Конечно, Анатолий Иванович! — восхлинул Басков. Положительно, он уподоблялся Марату. Извиняло его лишь то, что он был сейчас необычно для себя возбужден оттого, что так удачно все повернулось с появлением полковника Серегина.

Серегин меж тем допил чай и закурил.

— Давайте запишем, и я пущу все это в работу,— сказал Басков.

Серегин уступил ему место за столом и, прохаживаясь по кабинету, начал диктовать, а Басков писал.

— Шальнев Игорь Андреевич, двадцать четвертого года рождения. По сорок первый год проживал в городе Электрограде. Окончил электроградскую среднюю школу. С мая сорок первого по октябрь работал корректором в городской газете.

— Извините, Анатолий Иванович, из чистого любопытства: откуда вы так точно знаете — с мая по октябрь? — невольно перебил Басков.

— Цех отца эвакуировали из Электрограда семнадцатого октября. Я тоже уехал. А до отъезда мы с Игорем виделись каждый день. В одном доме жили.

— Понятно. Пишем дальше.

— Шальнева Ольга Андреевна. Год рождения тридцать четвертый или тридцать пятый.

В октябре сорок первого училась в школе. — Серегин задумался на минутку, а потом добавил: — Была у них няня, звали ее Матрениной... Да вряд ли... Она и тогда уже старенькая была... Вряд ли жива... Да и фамилию ее не знаю...

Прежде чем уйти, чтобы отправить по телетайпу эти ценные для розыска сведения, Басков задал вопрос, как говорится, не по существу.

— А про черепах, Анатолий Иванович, расскажете?

— Э-э, Алеша, это длинная история... — Серегин потянулся, взглянул на часы. — Понапашему уже час ночи... Устройте меня в гостиницу, а завтра потолкуем.

— Портфель-то ваш у меня дома остался.

— Ничего, бритву бы только взять... А впрочем, утром в парикмахерской побреюсь.

Басков вернулся быстро, вызвал машину, довез Серегина до «Будапешта», дождался, пока он оформился у администратора, и поехал домой. Они договорились, что полковник придет в МУР в одиннадцать часов утра.

На следующий день, во вторник, 24 июля, поступило сообщение из Электрограда, в котором говорилось, что Шальнев Игорь Андреевич, 1924 года рождения, был призван на службу в Военно-Морской Флот 10 октября 1942 года. Служил на Балтийском флоте, в Ленинграде, затем в стрелковых частях Ленинградского фронта. Демобилизован в связи с ранениями в ноябре 1945 года («Как

я», — сказал Баскову полковник Серегин). В декабре 1945 года поставлен на учет Электроградским горвоенкоматом, снят с учета в 1957 году. Отбыл в неизвестном направлении.

Работал в городской газете «Знамя труда», сначала корректором, последние пять лет — фотокорреспондентом. Жил по адресу: ул. Красная, д. 6, кв. 4. Был женат на гражданке Мучниковой Антонине Ивановне, г. р. 1935, от брака с нею имел сына. В 1957 году брак расторгнут.

Шальнева Ольга Андреевна, 1935 года рождения, проживает в Электрограде по адресу: проспект Радио, д. 11, кв. 32; работает преподавателем русского языка и литературы в средней школе № 2.

Большего труда было ждать при первых шагах дознания...

Вечером Басков напомнил Серегину о его обещании рассказать про черепах.

— Хорошо, — согласился полковник, — но с одним условием. Зайдем в магазин, возьмем бутылку...

— У меня дома есть, — сказал Басков.

— Пойдем в гостиницу...

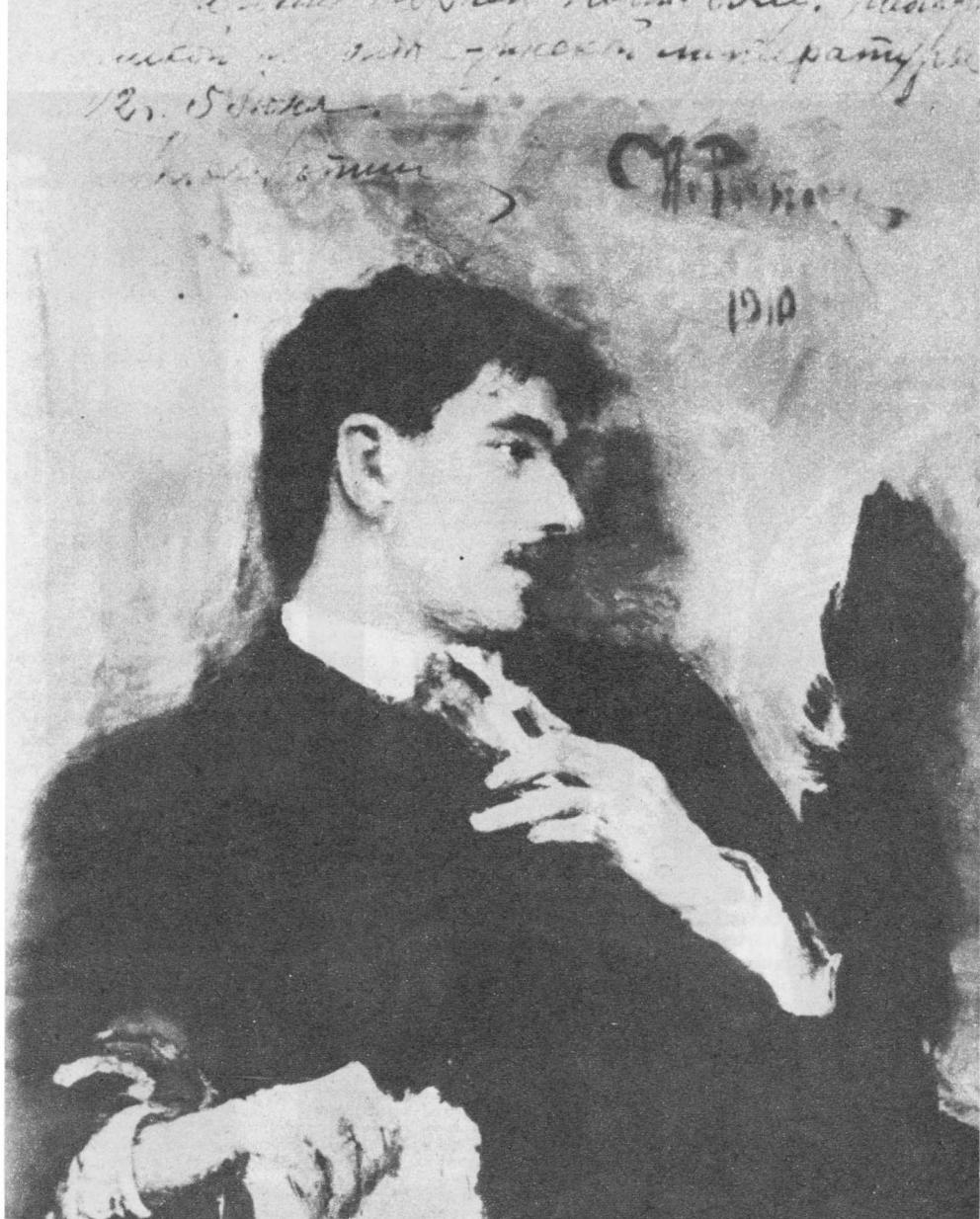
Спорить Баскову не приходилось. Они сделали так, как предлагал Серегин.

В номере умылись, сбросили с ног башмаки, сели в кресла за круглый столик, выпили по рюмке, и Серегин начал свой долгий рассказ.

Ночь за окном стояла душная, а в номере была приятная прохлада.

Продолжение следует.

К.И.ЧУ

К. И. Чуковский. Фотография с портретом И. Е. Репина с автографом художника.

Мирон ПЕТРОВСКИЙ

Один — старый сановник, сенатор, почетный академик, юрист и писатель, сын знаменитых родителей, носитель славного имени, в котором так и тянет сделать ударение на последнем слоге — на французский лад: Кони — что совершенно не верно, и старик, добродушно сердясь, поправляет: Кони, Кони!

Другой — молодой журналист, самоучка, газетный поденщик, сын полтавской крестьянки, пишущий под псевдонимом, скроенным из ее фамилии, под псевдонимом, от которого так легко образуется укоризненная или даже бранная кличка: «чуковщина» — для обозначения всяческой фельетонной легковесности.

Если даже преодолеть эту стену социальных несоответствий, простая разница в возрасте — почти сорок лет! — тоже как будто не слишком располагает к общению.

И вот два таких непохожих человека вступили в переписку, познакомились и стали друзьями на долгих четырнадцать лет — до смерти старшего из них, а младший сохранил благодарную память о своем ушедшем друге до конца своих дней, когда и сам, в свой честь, стал старшим.

Их свел и сдружил третий персонаж этого сюжета — Николай Алексеевич Некрасов, точнее, его рукописное наследие, еще точнее — великая демократическая идея, столь близкая прогрессивной русской интеллигенции и воплощенная в некрасовском творчестве. Старый либерал и молодой демократ сошлись в истовом служении родной культуре.

Дело в том, что А. Ф. Кони в качестве душеприказчика родной сестры поэта Анны Алексеевны Буткевич был хранителем всего

некрасовского архива — творческих рукописей, документов, переписки и так далее, — и вот он «прочел мои газетные статьи о Некрасове», — вспоминал Чуковский, — и решил предоставить мне хранившиеся у него материалы».

Мы не знаем — и едва ли когда-нибудь узнаем, — какие именно статьи Чуковского о Некрасове прочел Кони. Но можно точно сказать, какие статьи он мог прочесть: до момента знакомства Чуковского с Кони этих статей было не более полудесятка. Это прежде всего статья «Мы и Некрасов», в которой Чуковский обращал внимание на никем, кажется, не замеченное обстоятельство: оказывается, всегдашнюю любовь массового демократического читателя к творчеству Некрасова, как это ни странно, долгое время не разделяли писатели, и только сейчас, с начала века, признательная любовь к нему распространялась и в литературных кругах, а такие новые поэты, как Брюсов, Блок и Белый, прямо-таки молятся на Некрасова.

Затем — статья «Исканеченный Некрасов», об очередном, одиннадцатом издании стихотворений поэта. Здесь критик показал, что это «полное» собрание полно разве что опечатками, искажениями, пропусками, изъятиями, как будто издатели стремились благородиво воспроизвести не текст поэта, а ошибки, наполненные от издания к изданию, а также тече-брехи и прорехи, которые проделала в некрасовских текстах старая цензура, и это тем более удивительно, что большинство цензурных запретов давно утратило силу! «Нужно, — заключал критик, — если это возможно, какою угодно ценой вырывать творения Некрасова от нынешних хозяев, которые позволяют себе относиться так беспардонно к вверенному им достоянию». Ради того, чтобы воссоздать подлинную биографию поэта, ради подготовки действительно полного и достоверного издания некрасовских творений Чуковский просил всех, «у кого есть какие-нибудь письма, рукописи, дневники, хоть отдаленно относящиеся к Н. А. Некрасову, сообщить нам об этом...» (возможно, как раз этот призыв и попался на глаза А. Ф. Кони).

И наконец, статьи «Пощадите поэта!» и «Еще о «завещании» Н. А. Некрасова» — о принципах научного и в то же время демократического издания произведений Некрасова. Все эти статьи были напечатаны в газете «Речь» с ноября 1912 по май 1913 года.

Сопоставив различные литературные источники, Чуковский правильно предположил, что некрасовский архив должен находиться у А. Ф. Кони; с Анатолием Федоровичем он, надо думать, встречался до описываемых событий, возможно, у И. Е. Репина на его «средах»; но, встречаясь, они, по всей видимости, не были представлены друг другу и по обычаям того времени считались формально незнакомыми. «Обычай деспот меж людьми», — по справедливому пушкинскому слову.

Тут подвернулась счастливая случайность. Как раз в это время А. Ф. Кони работал над очерком об известной общественной деятельнице А. П. Философовой — одной из замечательных русских женщин — и принимал участие в составлении сборника, посвященного памяти; по делам этого сборника к Анатолию Федоровичу на Надеждинскую наведывался Д. В. Философов — сын А. П. Философовой, критик и добрый приятель Чуковского. К нему-то и обратился Чуковский с просьбой быть его представителем перед А. Ф. Кони.

«Не хотелось писать Вам, не повидавшись с А. Ф. Кони, — писал Философов Чуковскому 5 (18) мая 1913 года. — Сейчас вернулся от него и спешу сообщить Вам, что свою миссию я исполнил блестяще. Кони обещал мне теперь же известить Максимова, чтобы тот вернулся к 1 авг. все имеющиеся у него материалы. Сам Кони уезжает ... и вернется в начале августа. Получив документы, он обещал известить Вас и пригласить Вас к себе для разговора... Относится он к Вам хорошо... Словом, Вам остается только молить бога, чтобы Кони вернулся жив и здоров...»

В заключение Философов напоминал Чуковскому, что на письмах, адресованных к Кони, следует писать: «Его Высокопревосходительству»...

13 мая 1913 года письмо к Кони было написано и отправлено.

«Глубокоуважаемый Анатолий Федорович, — писал Чуковский, — Дм. Вл. Философов обрадовал меня уведомлением, что Вы великодушно, согласились предоставить мне для исследования те ценные материалы по биографии Некрасова, которые, как я и полагал, должны были сохраниться у Вас. Значение этих документов огромно: без них и приступить к изложению к описанию жизни Некрасова, так как именно об этой поре — об эпохе «Пантеона» и «Литературной газеты» — мы осведомлены менее всего; но, конечно, я никогда не решался бы обратиться к Вам с какой бы то ни было просьбой, если бы обо мне не ходатайствовал обязательный Дмитрий Владимирович. С величайшим нетерпением буду ждать того — увы, далекого! — августовского дня, когда Вы позволите мне явиться к Вам для беседы...»

А. Ф. Кони откликнулся сразу.

«Глубокоуважаемый Корней Иванович, — отвечал он 21 мая того же года, — с особой радостью увижуся я с Вами (я давно желал личного знакомства) и предоставлю Вам все имеющиеся у меня материалы, вероятно даже не в августе, а в конце июля. Очень сожалею, что не знал о Вашем желании ранее и что, поэтому, не располагаю в настоящее время теми письмами, статьями и корректурами, которые отдал на просмотр и в пользование В. Е. Максимову».

Одновременно А. Ф. Кони написал В. Е. Максимову (в будущем — советский некрасовед В. Евгеньев-Максимов), который в ответном письме заверил Анатолия Федоровича, что все полученные от него материалы будут возвращены вовремя и с благодарностью.

Точная дата встречи Чуковского с Кони неизвестна — по-видимому, встреча, как и предполагалось, произошла в конце июля — начале августа. Но несомненно — об этом вырази-

¹ Письма, набранные курсивом, публикуются впервые.

КОВСКИЙ И А.Ф. КОНИ

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

тельно свидетельствует дальнейшая переписка, — что старый сенатор и молодой журналист достигли полного взаимопонимания и Чуковский ушел от Кони, нагруженный документами из некрасовского архива. А вслед ему в маленький домик на станции Чуоккала (наискосок от репинских «Пенатов») летели письма и записочки от Анатолия Федоровича:

«Разбирая свои бумаги, я нашел прилагаемый черновик стихов Некрасова, записанный, судя по почерку, его сестрой, Анной Алексеевной Буткевич, на листе с какими-то расчетами. Едва ли это подлежит опубликованию, но, быть может, пригодится Вам для некоторых соображений...»

«Посылаю Вам еще два письма к Некрасову, относящиеся к цензуре...»

«В настоящем пакете Вы найдете те материалы, которые Вы желали иметь... Я приложил к ним статью о врачебной тайне и письма ко мне Чехова...»

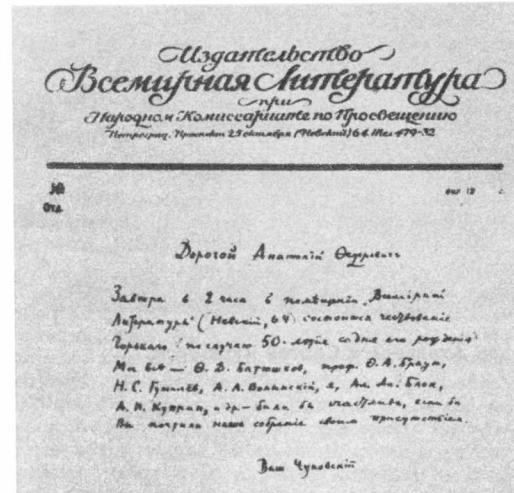
«Посылаю Вам очерк о моем отце, напечатанный в «Биографическом словаре» Русского исторического общества...»

Отец А. Ф. Кони — Федор Алексеевич — был издателем лучшего русского театрально-литературного журнала «Пантеон», редактором «Литературной газеты», доктором философии Иенского университета и автором водевилей, которые в середине прошлого века не сходили со сцены и до сих пор считаются классикой жанра. Он познакомился с Некрасовым, когда тот буквально погибал от нищеты в петербургских трущобах, и, всячески опекая его, помог ему стать профессиональным литератором. Первые литературные шаги Некрасова неотделимы от имени Кони-старшего.

Записочки А. Ф. Кони могут показаться суховатыми. Признанный мастер судебного красноречия, блестящий мемуарист, артистический рассказчик — и вдруг такая сдержанность, словно перед нами не дружеские письма, а какие-нибудь департаментские «исходящие». Подобный вывод был бы ошибочен. Тут все дело в том, что А. Ф. Кони в эту пору тяжко болел и свои записочки писал, превозмогая болезнь, нередко пользуясь услугами ближних, чтобы продиктовать несколько слов. Так что отношение к адресату оказывается не столько в стилистике этих записочек, сколько в самом факте их отправки, в их количестве и еще, конечно, в том, что вместе с каждой запиской отправлялись бесценные материалы — рукописи, документы, книги, типографские оттиски. В ответ на короткие, деловито-дружелюбные письма Кони шли пыльные, восторженно благодарные послания Чуковского. В них слышен тот самый темпераментный «захлеб», который так хорошо знаком каждому современному читателю Чуковского по его произведениям — в равной мере по детским сказкам или некрасоведческим работам:

«Глубокоуважаемый Анатолий Федорович. Я был в городе и только теперь, возвратившись домой, нашел у себя на столе оттиск из Биографического Словаря с ласковой Вашей запиской. За что Вы меня так балуете! Вы должны быть и сами не заметили, что в эти последние месяцы стали моим благодетелем. Спасибо Вам за Судебные Речи. Я рад, что по какой-то дикой случайности не был с ними раньше знаком. Теперь я был бы лишен наслаждения знакомиться с ними впервые. Не смею писать на Ваш досуг, а то бы я излил перед Вами свои впечатления профана от этой удивительной книги. — Впрочем, я еще не дочитал до конца. Александру Федоровичу Некрасову, наследнику поэта, я проскандировал в телефон те отрывки, которые Вы уже видели. Он любезно разрешил их обнародовать и, хотя я в газетах жестоко его порицал за небрежное издание Некрасова, пригласил меня на святах к себе — для беседы об «исправленном» издании. Здесь-то Ваши материалы и сослужат великой службе. Мне стыдно, что теперь Вам приходится читать мои газетные наброски о Некрасове. Свои подлинные, заслуженные мысли о нем я до времени таю в скрепке для книги «Некрасов как Человек и Пoэт». Книга предварительно будет печататься в

виде статей в «Русской мысли». Если эти статьи не покажутся Вам недостойными, я надеюсь, Вы позовите мне украсить мою книгу посвящением Ан. Ф. Кони. Первоначальными шагами Некрасова я еще пока не занимался. Только тогда, когда я прочитаю все печатные материалы о Вашем отце, я воспользуюсь Вашим разрешением и предложу Вам несколько десятков (!) вопросов, относящихся к его биографии...»

Письмо Чуковского Кони. Публикуется впервые.

Работа над некрасовскими рукописями подарила Чуковскому такое чувство, какое, верно, испытывает бездомный бродяга, обретя наконец пристанище. Замечательно, что в письме к В. Г. Короленко (осень 1913 года) Чуковский называет эту работу отдыхом:

«Я теперь, после бесконечных разъездов по России с лекциями, когда не спал сплошь 5—6—7 ночей, дома, в Чуоккале, отдыхаю. Работаю я над рукописями Некрасова — целые дни сижу с лупой, — о, сколько нашел новых стихотворений, писем, вариантов, разъяснений, комментариев и т. д. ...Не могу утерпеть — перепиши для Вас и для Ваших дочерей отрывок из «Уныния» — вклейте его в свой томик Некрасова...»

Новонайденные произведения Некрасова Чуковский предавал печати и с присущей ему импульсивностью делился с читателями своей радостью: «Уж месяц, как я день и ночь сижу над побуревшими листками, над целой горой бумаг, исписанных вкривь и вкось то карандашом, то чернилами, перечеркнутых, и, замирая, вникаю в эти драгоценные караулы — подлинные манускрипты Некрасова! Их тридцать лет хранил, как святыню, друг его покойной сестры, и вот теперь осчастливили меня, позволили к ним прикоснуться, перелистать их, вчитаться, и право, за всю свою жизнь я не помню таких тревожных, самозабвенных, упоительно сладких часов, как те, что провожу я теперь, следя так интимно и пристально за творчеством любимого поэта» («Речь», 11/24 декабря 1913 года).

Чуковский пользуется случаем, чтобы хоть так — косвенно, не называя имени — выразить свою благодарность «другу покойной сестры» поэта. Назвать имя публично он не может — Чуковского связывает строжайший запрет А. Ф. Кони, продиктованный аскетической скромностью Анатолия Федоровича. Много лет спустя, в 1926 году, Чуковский получит разрешение печатно посвятить А. Ф. Кони свою книгу «Некрасов. Статьи и материалы» (издательство «Кубуч»), да и то лишь после того, как адресат посвящения, воспользовавшись предложением автора книги отредактировать текст посвятительной надписи и привести ее в

приемлемый вид, вычеркнул оттуда все слишком громкие, на его взгляд, слова.

Кони, видимо, и сам не полностью представлял себе объем и содержание сокровища, отданного его власти. В обширном письме Чуковскому от 14 июня 1914 года, в самом конце, он — как бы между прочим — добавляет:

«На днях я получу целый сундучок переписки Н. А. Некрасова и в первую же свободную минуту разберу его. Куда Вам написать об открытиях, которые я сделаю?»

И снова в ответ на сдержанное сообщение Кони — взрывается Чуковский:

«Известие о некрасовских письмах ошеломило меня. Откуда к Вам такое богатство? Я собрал все существующие письма Некрасова и написал к каждому примечания, установил даты и проч. Так что если у Вас, при разборе этого нового архива, явятся какие-нибудь сомнения, недоумения и проч., пожалуйста, обратитесь ко мне. Авось, мне удастся хоть чем-нибудь пригодиться Вам в Вашей работе. Изданые Пыпином (при помощи Ляцкого) письма Некрасова к Тургеневу грешат грубейшими ошибками: даты перепутаны, темные места объяснены неточно, библиография — сплошной хаос...»

Вслед за этим обменом письмами Чуковский вновь посетил Кони и получил для своих некрасоведческих занятий очередную порцию архивных материалов. И. Е. Репин — в свойственной ему юношески восторженной и несколько старомодной манере — писал А. Ф. Кони (1 августа 1914 года): «Я так рад соседству К. И. Чуковского: он бывает у Вас и всегда со всеми подробностями воспроизводит разговоры с Вами. Это еще часть неофициальная. А вот было приобретение: он привез рукописи Некрасова... О, какое это было необычайное развлечение! Корнею Ивановичу книги в руки. Редко встречал человека, столь достойного книг, как сей молодой жрец литературы. Его феноменальная любовь к литературе, глубочайшее уважение к манускриптам заражает всех нас, простых любителей...»

В ту пору Чуковскому не удалось осуществить свою мечту — дать русскому читателю действительно полное и выверенное собрание стихотворений Некрасова. Такое издание состоялось лишь после революции. «Должен сказать, — вспоминал впоследствии Чуковский, — что здесь нас страшно поддержал А. М. Горький, и что сами рабочие в типографии в это трудное время, в 1920 году, взялись напечатать Некрасова и как-то по-особому к этому отнеслись. Эта книга вышла истинным чудом, потому что тогда была полная типографская разруха». Об этом издании, вышедшем под редакцией Чуковского и с предисловием В. Евгеньева-Максимова, одобрительно отозвался В. И. Ленин, сказав, что это «хорошая, толковая работа» (М. Горький. Письмо в редакцию. «Правда», 14 марта 1928 года). Работа над некрасовскими текстами продолжалась, и, выпуская полные собрания стихотворений поэта, Чуковский начал их счет со следующего, так что изданию 1920 года присваивался как бы «нулевой» номер. Издание 1920 года впервые вводило в корпус собрания сочинений Некрасова более трех тысяч строк поэта (впоследствии их число выросло до пятнадцати тысяч!). Значительной частью этих новых некрасовских строк издание было обязано архиву, сохраненному Анатолием Федоровичем Кони, который, не помышляя ни о каких выгодах для себя, возвратил их подлинному владельцу — русскому читателю, родной культуре.

История отношений между Чуковским и Кони не заканчивается смертью Анатолия Федоровича в 1927 году. Как критик Чуковский принял на себя заботу об исправлении ошибок в изданиях книг Кони, как редактор — участвовал в издании восьмитомного собрания его сочинений, как мемуарист — написал о нем содержательные и по-чуковски выразительные воспоминания и т. д. Но это уже другой, новый сюжет.

Киев.

В ДОМЕ ПОД СОСНАМИ

Сказка Корнея Чуковского «Бибигона» начинается так: «Я живу на даче в Переделкине...» — и все сказочное действие протекает в этом доме и близ него, под переделкинскими соснами. Детям — читателям сказки — он хорошо знаком, потому что все художники, иллюстрируя «Бибигона», исправно переносят на книжные страницы этот желтый флигелек, в котором обитал добрый сказочник...

В Переделкине Корней Иванович поселился в начале 1938 года и прожил там — почти безвыездно, летом и зимой — тридцать один год. Здесь были написаны его книги для взрослых — «Мастерство Некрасова», «Живой как жизнь» (разговор о русском языке), «О Чехове», статьи об Уитмене, о переводах и многое другое. Здесь, на участке, прилегающем к дому, он устраивал свои знаменитые костры, на которых бывали тысячи ребятишек из окрестных деревень и пионерских лагерей. Неподалеку от дома расположена детская библиотека — Чуковский выстроил ее на свои средства и подарил государству.

Кто только не побывал здесь! И деятели советской культуры, и переводчики произведений Чуковского из Англии и Японии, и ученые-филологи со всех концов земли. Сюда, в переделкинский дом, пришли известия о присуждении Корнею Ивановичу Ленинской премии и об избрании его доктором литературы Оксфордского университета (из русских писателей этой чести до него удостоился И. С. Тургенев). Здесь летом 1941 года Чуковский прочел записку от своего младшего сына Бориса, в которой тот извещал отца, что уходит добровольцем в московское ополчение. Осенью того же года Борис Чуковский погиб в боях под Москвой.

Когда хозяин оставил этот дом, сюда начали сюда стихийное паломничество его читателей — детей и взрослых — со всех концов страны и из-за рубежа. Московское бюро путешествий и экскурсий проложило сюда экскурсионный маршрут. Исполнительный комитет Московского областного Совета народных депутатов своим решением от 13 октября 1975 года взял дом под охрану государства как памятник истории и культуры. И ничуть не странно, что в доме Чуковского говорят не столько о нем самом, сколько о русской литературе: ведь он воистину жил в литературе! Здесь рассказывают о Маяковском и показывают его подлинные рисунки, рассказывают о Чехове, о Льве Толстом, последним произведением которого было письмо молодому журналисту Чуковскому. Работы Репина, как при жизни хозяина, висят на своих местах. Здесь нет — и решительно не может быть! — никаких предметов роскоши. Здесь царит атмосфера, подобающая жилищу русского интеллигента — ученого и писателя, — атмосфера нравственного уюта, высокой духовности, непрерывного труда.

А о том, сколько успел за свою жизнь сделать Корней Иванович, лучше всего говорят сухие цифры. В нашей стране книги Чуковского выходили более 1000 раз тиражом свыше 176 миллионов экземпляров.

На простых сосновых полках — свыше пяти тысяч книг: не коллекция, но рабочая библиотека, подручный материал мастера литературного цеха. Письменный стол — центр, вокруг которого вращалась вся жизнь дома. Но работа шла не только за письменным столом, но и вот в этом кресле, и даже вон на той тахте, куда Чуковский, уже совсем обессиленный, укладывался читать с карандашом в руке. «С самой нежной благодарностью», — записал он однажды в дневник, — будь я вспоминать эту комнату, где я ежедневно трудился с 3—4 часов утра — до 5 вечера. Это самая любимая моя комната из всех, в каких я когда-либо жил...

Св. ОВДИЕНКО

Нодар Ахалкаци и Сергей Кутивадзе.

Фото С. Колганова

Гарун АКОПОВ, Ия МЕСХИ

Приехав на спортивную базу к Нодару Парсадановичу Ахалкаци, мы сразу же попросили его выйти с нами на поле. Мы — это два журналиста, спортивный и не спортивный. Вышли, пошли, беседуя о разном, посмотрели кое-что из хозяйствства, всякие там «стенки», тумбы для прыжков и прочее. Спортивный журналист видел все это сто раз. На не спортивного (к тому же женщину) особое впечатление произвел навес, под которым стояли угрожающего вида снаряды с рычагами и педалями. Для чего они? Для силовых занятий футболистов? А выглядят, как средневековые орудия пыток. Бедные ребята...

Потом уселись на скамьях, перед полем, где ходит он обычно, работая с командой как старший тренер. Ходит со свистком и секундомером весной, ходит летом под палящим солнцем, осенью и слякотной зимой. Сам ввел такую моду. Команда в закрытом помещении не тренируется. В любую погоду и времена года — открытое поле.

Сейчас, в пустынности и тишине, как-то виднее, что поле старое, изрядно натоптанное, жесткое, как говорят спортсмены. Сколько же ему? Лет сорок с хвостиком. Столько же, сколько и Ахалкаци.

Ахалкаци поднял воротник куртки, утопил голову в плечи. Ну точь-в-точь, каким видим мы его крупный план на телевизоре. Крупная голова, крупный нос, губы, глаза, на лбу седая челка. И железная неподвижность лицевых мышц. Даже в самые пиковые моменты игры. Даже когда стадион взорван, а тренеры раскачиваются маятником или вскакивают со своих скамеек. Неподвижность тоже форма волнения...

Ахалкаци вспомнил, каким пришел в команду Александр Чивадзе, тбилисский паренек с рабочей окраины, ныне капитан тбилисского

«Динамо» и капитан сборной СССР. Худой, щупленький, но техничный, цепкий, изящный, хороший с мячом, а без мяча ну просто никуда не годился. Поставил его тренер до начала сезона на проверочную игру. Через полчаса: «Не могу. Устал...» Вот это да — устал! А как же быть? Известно, даже у самых выдающихся футболистов мяч в ногах бывает не более двух, двух с половиной минут за весь матч. Остальное время извольте играть без мяча. А значит бегать, бегать и бегать. Быстро соображать и передвигаться. Летать по полю, не переводя дыхания, и всюду поспевать. А если нет сил, надо их добыть. Как? А так вот, на этих «орудиях пытки», тренажерах то есть. На вот этом самом тренировочном поле. И Саша добывал. Собрал всю свою волю и день за день, месяц за месяц, год за годом переделывал себя в атлета. Переделал! Теперь грудь колесом, спокойствие, неутомимость, уверенность.

Вроде бы разговор о Чивадзе, но понимать следует, что в равной степени и о всех играх тбилисского «Динамо». Ибо всем надо было добывать силы, выполнять ужесточенные физические нагрузки, тренироваться не через день, как когда-то, а два раза в день. Так потребовал Ахалкаци. Потому что не только Саша — все в команде, выходя на игру и демонстрируя на первых порах свои звездные номера, быстро выдыхались. Не всегда, конечно, но все-таки довольно часто.

Разве мы, тбилисцы, спортивные знатоки, а также самые разнообразнейшие болельщики, не видели всего этого, не переживали взлеты и падения своих любимцев, не мчались в аэропорт посмотреть, как спускаются с трапа прилетевшие из Ташкента «золотые мальчики», а в следующем году, когда они «садились в галошу», не объявляли им бойкот?

Ах, как они нам, выражаясь чувствительно, действовали на нервы!.. И вот что-то такое произошло с командой, как-то она стабилизировалась, и наша нервная любовь перешла в чувство уверенности, что с этой командой, пожалуй, как говорили фронтовики, можно идти в разведку. В 1976 году — Кубок страны и бронза в первенстве СССР. В 1977 году — серебро. В 1978 году — чемпионы. В 1979 го-

ПОЛЕ И ТРЕНЕР

ду — Кубок страны. В 1980 году — четвертое место, но успешные игры на Кубок кубков. В 1981 году — бронза в чемпионате и европейский Кубок кубков...

Тем временем Нодар Парсаданович уже рассказывает о Владимире Гуцаеве, о том, что он застал его совершенно сложившимся игроком с высоким уровнем техники, большим мастером обводки. Играя постоянно, вот уже одиннадцать лет, крайним форвардом, он смело бросался в самую гущу защитников, виртуозно обманывал одного, другого, третьего, бил по мячу, и... на этом все. Для него главным было обвести, показать свое мастерство, удальство. Казалось, этого предостаточно. Ахалкаци настаивал: «Теперь научись хорошо отдавать мяч товарищу. Футбол — командная игра. Перестань думать только о себе!» И у Володи, уже признанного мастера, хватило ума не «полезть в бутылку», к своему знаменитому дриблину он прибавил еще и пас, нацеленные передачи в самую горячую точку поля. Да и голы стал забивать какие — «Вест Хэм» в Лондоне, «Фейеноорд» в Тбилиси, важнейший гол «Карлу Цейсу» в финале Кубка кубков. Летом 1981-го получил приз лучшего игрока на международном турнире в Испании, хотя в командах выступало целое созвездие высококлассных мастеров во главе с теперь уже двукратным обладателем «Золотого мяча» Карлом-Хайнцем Румменигге из «Баварии».

Разговор о Гуцаеве выявил еще одно важное кредо Ахалкаци (первое — атлетизм!): футболист должен стремиться к тому, чтобы уметь все или, во всяком случае, многое, стремиться к универсализму. Тем более что в команде такой игрок есть, это Давид Кипиани, футболист с божьей искрой, с большим футбольным талантом, близкий к идеалу современного футболиста. Неспортивному журналисту, писавшему не однажды о различных проявлениях человеческой воли, и сейчас кажется невероятным, как этот человек после сложнейшей операции на колене с извлечением мениска начинал все сначала, а потом также все сначала после такой же операции на втором колене. И теперь тоже выходит на тренировки один на поле, получив, казалось бы, окончательную травму. Видимо, для других «окончательную», но не для Давида Кипиани!

Сидя перед пустым полем, Нодар Парсаданович вспоминает и других своих подопечных. С гордостью о Виталии Дараселия («Очень растет! Обнаружился хороший тактический кругозор»), с радостным удивлением о Тенгизе Сулаквелидзе и, уж конечно, о Рамазе Шенгелия, вторично за последние четыре года признанном журналистами лучшим футболистом страны.

В команде тбилисского «Динамо» всегда были хорошие игроки. А теперь они стали хорошей, надежной командой. Заслуга тренера? Наверно, и начальника команды Кахи Асатиани, прошедшего также Высшую школу тренеров. Наверно, и второго тренера Сергея Кутивадзе, по профессии химика, по зову души — тренера. Наверно, и тренера Гиви Нодия, политехника по образованию, но тоже преданного команде бывшего ее игрока. Нодар Парсаданович подбирал себе помощников, исходя прежде всего из человеческих качеств этих людей... Но главное, конечно, сам он, старший тренер, — как в бригаде бригадир, как в классе педагог, как в оркестре дирижер.

Один из нас знает Нодара Ахалкаци давно.

Знает еще в ту пору, когда он играл в тбилисском «Локомотиве». Играл и учился в Грузинском политехническом. Несмотря на свою массивность, крупнокостность, играл неплохо, умно играл. А учился (да простит нас Нодар!) лучше, чем играл. Защитил диплом инженера. Специалисты прочли ему будущее отличного мостовика. Но перетянула страсть к футболу. В сущности, если человек умеет работать, если это заложено в нем, он будет работать на любом месте. Футбол же, согласитесь, место видное. То есть место, которое на виду у всех, на виду у миллионов, у десятков миллионов. И все они (нет, почему все? Достаточно и какой-нибудь сотни околофутбольных товарищ!) прекрасно разбираются в том, как должен вести себя тренер, все дают советы, а то и прямые указания. Надо все это выдержать, надо вести свою линию и быть стойким, как скала. Это еще одно кредо Нодара Ахалкаци — быть стойким. И игрокам команды и прежде всего старшему тренеру.

Впрочем, довольно о кредо. В них ведь ничего нового для других тренеров, которые тоже хотят, чтобы их команда стала и техничной, и атлетичной, и универсальной, и стойкой. Важно, у кого как получается на деле.

Сквозь высокую сетку, огораживающую поле от остальной территории спортбазы, виден трехэтажный кирпичный дом. Таким же кирпичом, но только отлакированным, отделаны и внутренние интерьеры. Красиво. Уютно.

Широкие лестничные марши ведут на этажи к жилым комнатам (по два человека в комнате), к средоточию современной медицинской спортивной техники, к душевым и парной бане, к небольшому плавательному бассейну, к кинозалу и столовой. Просто отличное место для работы и житья команды сделано по наставлению Ахалкаци с помощью республиканской федерации футбола. И они здесь проводят тренировочное время, все футболисты и руководители, включая и старшего тренера.

Может быть, «отец» команды слишком баляет своих ребят, создавая им отличные условия? Нет, не похож он на такого «родителя», из которого можно веревки вить. Сколько угодно тому доказательств.

У него растут дети. Трое. Жена работает врачом. Мать долгие годы болеет. Не прост быт в этой семье. А Нодар Парсаданович предан семье. Но предан и команде. Команда не должна курить. И Ахалкаци бросил. Команда не должна выпивать. И Ахалкаци не позволяет себе этого. Команда в отпуске, а он все равно каждый день приезжает на базу, сидит, пишет, подбивает итоги, ищет новинки, обмозговывая детали предстоящих занятий. Вот пришла в голову мысль пригласить в команду учителя танцев. А что?..

Вот таков Ахалкаци, увиденный на пустынном поле.

Гол в ворота гостей. Справа налево: Д. Кипиани, Р. Шенгелия, В. Коридзе.

Фото А. Саакова

Историкам и искусствоведам всего мира, художникам, писателям, всем путешествующим людям известен знаменитый туристский маршрут, именуемый «Золотое Кольцо» России. Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Сузdal, Углич, Владимир... Одни названия городов, входящих в этот маршрут, вызывают в памяти седые страницы русской истории, рождают в воображении неприступные каменные стены крепостей, блеск золотых куполов за ними, звон мечей и старинных кованых кольчуг... И действительно, в этих городах находятся неповторимые древние архитектурные ансамбли, раскрывающие легендарную историю Русского государства, уникальнейшие музейные коллекции древних живописцев, мастеров прикладного искусства, изделия ювелиров и ремесленников, представляющие безмерную художественную ценность. «Седая старина» тут переплетается с не менее удивляющей и волнующей современной действительностью: рядом с древними сооружениями встают величес-

тоддерживал усилия русских князей по объединению сил для борьбы с угнетателями. Сделавшись духовным наставником великого московского князя Дмитрия Ивановича, будущего Дмитрия Донского, он подвигнул его на выступление против полчищ Мамая. Победа в исторической Куликовской битве, как известно, стала одним из поворотных моментов в русской истории.

В дальнейшем роль Троице-Сергиева монастыря в духовной жизни Русского государства все более возрастила, постепенно монастырь превратился в могучую военную крепость, прикрывающую Москву с севера. В начале XVII века польско-литовские войска Лжедмитрия II подошли к Москве, захватив и разграбив Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Углич, Сузdal, Владимир... И только один Троице-Сергиев монастырь не покорился врагу. Целых 16 месяцев — с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года — героические защитники монастыря-крепости, находясь в глухой осаде, без какой-либо надежды на помощь, отбивали бесчисленные вражеские штурмы. Защитников крепости было около двух с половиной тысяч, тогда как в войсках интервентов до тридцати тысяч человек! Более шестидесяти пушек беспрерывно обстреливали монастырские укрепления, бесконечное количество раз предпринимались попытки совершить подкопы под стены и взорвать их. Но ничто не помогло врагам, и после чуть ли не полутора-годовой бесполезной осады враги убрались прочь.

Шли годы, монастырь уже перестал играть роль военной крепости, но за его могучими стенами, дважды спасаясь от восставших стрельцов, отсиживался молодой

город, в память секретаря Московского комитета РКП(б) Владимира Михайловича Загорского, погибшего в 1919 году от рук террористов и похороненного у Кремлевской стены.

Настоящий расцвет Загорска начался после Октября. В годы первых пятилеток один за другим стали появляться крупные заводы — оптико-механический, электромеханический и другие. Еще раньше из Москвы в Загорск был переведен музей игрушки, организован научно-исследовательский институт игрушки, училище по подготовке кадров для этой отрасли промышленности и т. д. В городе начали прокладываться новые улицы и проспекты, сооружаться современные многоэтажные жилые здания.

Мирный и радостный труд загорчан прервало нашествие гитлеровских оккупантов. Когда фашистские полчища рвались к Москве, Загорск начал готовить к обороне свою легендарную крепость. Боевые стрельницы по стенам и башням бывшего Троицкого монастыря приспособливались к ведению огня из современных видов оружия, на подступах к городу рылись траншеи, ставились стальные ежи, надолбы, устраивались непроходимые для вражеской техники лесные завалы.

скогого трикотажа, постоянно участвует в различных смотрах-конкурсах, в последние годы четырежды завоевывала право на участие в международных выставках.

Хочется назвать еще одно отличное предприятие нынешнего Загорска — завод школьного приборостроения. Он создан в 1933 году и оснащен высокопроизводительным оборудованием. Выпускаемые предприятием различные учебные пособия, приборы, проекционная аппаратура получили высокую оценку потребителей и пользуются в школах, в средних и высших учебных заведениях большим спросом. Продукция этого завода экспортируется в 20 стран мира.

В Загорске и районе представлены и многие отрасли современной науки. Два научных учреждения — Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки и Всесоюзный научно-исследовательский и технологический институт птицеводства работают уже полвека. В коллективе института птицеводства, например, трудятся 8 докторов и 87 кандидатов наук. Его директор Владимир Иванович Фисинин — известный в стране ученыи и организатор науки, вице-президент Всемирной научно-исследовательской ассоциации птицеводов.

Живет и трудится в Загорске большой отряд творческой интеллигенции — народный художник РСФСР, почетный гражданин города Н. И. Барченков, заслуженные художники РСФСР Н. Я. Беляев, И. Т. Сандырев, заслуженный деятель искусств РСФСР В. А. Десятников.

Люди, люди... Это они своим трудом создали славу Загорску, они своей неустанный работой

МОЛОДОСТЬ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

венные дворцы культуры и отдыха советских людей, музеи современного искусства, экспонаты которых рассказывают о беспримерных воинских и трудовых подвигах народа...

Это знаменитое «Золотое Кольцо» начинается со стариинного подмосковного города Загорска, отмечавшего ныне свое 200-летие.

Собственно говоря, история Загорска насчитывает около семи столетий. Но только в марте 1782 года большой населенный пункт, образовавшийся вокруг древнейшего подмосковного Троице-Сергиева монастыря, специальным указом Екатерины II был объявлен городом под именем Сергиевский посад. А до этого...

Тяжкий и беспросветный XIV век. Уже более ста лет тяготел над Русью невиданной жестокости гнет монголо-татарского ига. Непомерная дань опустошала города и села, земля была заполнена стонами и залита кровью. В непроглядной мгле, окутывающей русскую землю, вспыхивали редкие искры сопротивления безжалостным иноземцам, но тут же гасились завоевателями.

Где-то в середине сороковых годов XIV века молодой Радонежский монах Сергий, ставший затем выдающимся деятелем русского средневековья, в глухих лесах Подмосковья срубил себе келью, поставил рядом «церквицу малую», и посвятил ее Троице. Так было положено начало нынешнему городу Загорску. Эта «церквица мала» быстро превратилась в могучественный Троице-Сергиев монастырь, ставший в условиях того времени важным центром политической жизни и в силу этого сыгравший немалую роль в истории Русского государства. Сергий Радонежский

Пётр I, сохранивший тем самым себе жизнь.

Ансамбль архитектурных памятников Троице-Сергиева монастыря создавался в течение XV—XVIII веков. Наиболее значительные — Троицкий собор (1423 г.), в росписи стен которого участвовал великий художник Древней Руси Андрей Рублев (истол, здесь же для этого же собора он написал свою знаменитую икону «Троица»), Успенский собор (1585 г.), Трапезная и Царские Чертоги (1692 г.), пятиярусная колокольня (1770 г.), Митрополичий понон (1778 г.), а также построенные в разное время церкви — Духовская, Введенская, Пятницкая, Иоанна Предтечи, Михеевская, Смоленская. Все эти величественные здания, имеющие непрекращающую историческую и культурную ценность, возведены и украшены поколениями искусствейших русских мастеров, имена которых история, к сожалению, не сохранила.

В годы гражданской войны Сергиевский посад особой роли не играл. Становление Советской власти происходило, конечно, не просто — религиозные фанатики пытались настраивать крестьянство против Советов, готовили на случай контрреволюционного мятежа склады оружия, устраивали различные провокации и т. д. Но все эти враждебные акции были легко ликвидированы. В ноябре 1918 года Троицкий монастырь был национализирован и вскоре закрыт, а в апреле 1920 года В. И. Ленин подписал декрет «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевской лавры». В 1930 году город был переименован в Загорск, в память секретаря Московского комитета РКП(б) Владимира Михайловича Загорского, погибшего в 1919 году от рук террористов и похороненного у Кремлевской стены.

В решающий период битвы за Москву Загорск и его окрестности стали одной из важных баз сосредоточения ударных группировок войск, формируемых из резервов Верховного главнокомандования.

К счастью, огненный вал войны не докатился до Загорска. Но война унесла более десяти тысяч его жителей, героически сражавшихся на различных фронтах Великой Отечественной войны.

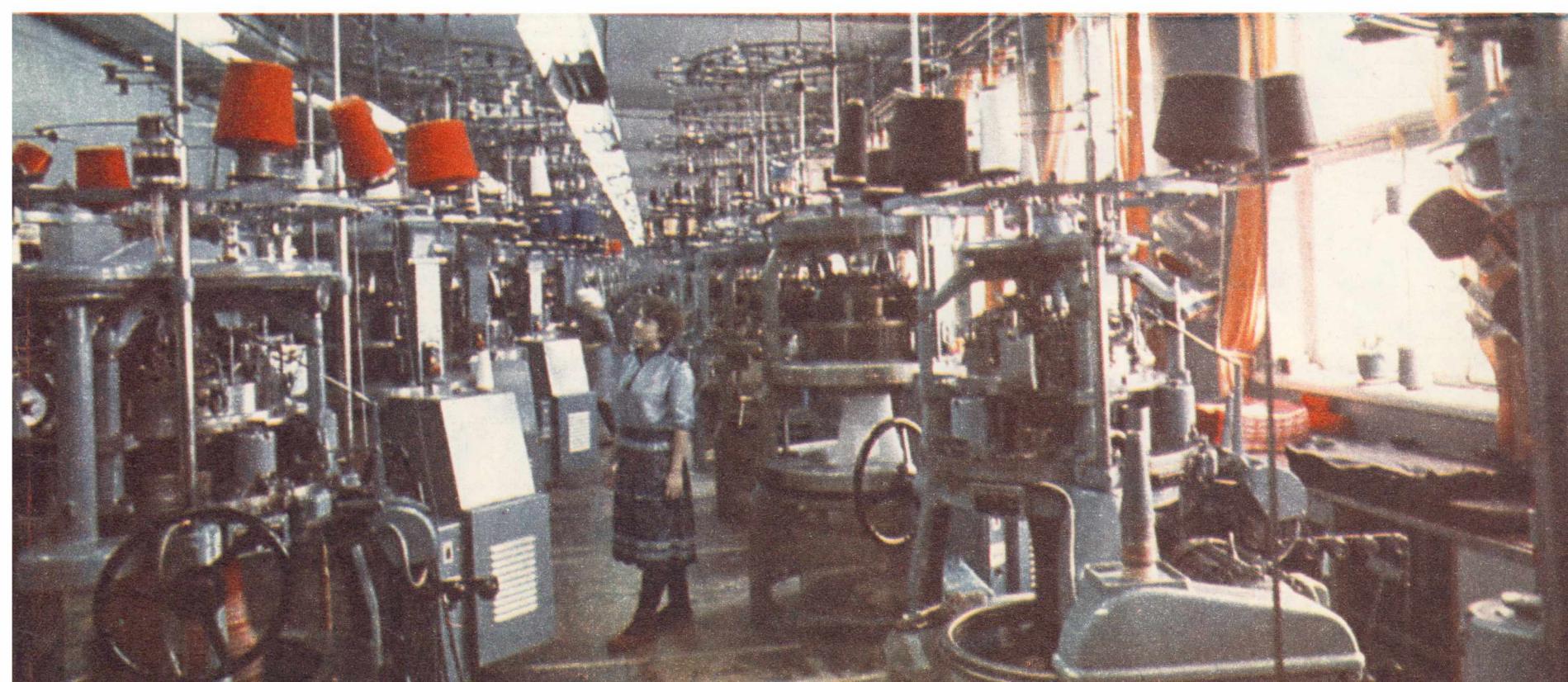
Нынешняя жизнь стариинного города отмечена высокой духовностью и напряженными творческими поисками во всех сферах современного промышленного, сельскохозяйственного производства и научной деятельности. На многочисленных заводах, фабриках и предприятиях города трудятся тысячи людей, потомков легендарных создателей шедевров Троице-Сергиевой лавры и ее героических защитников. Чтобы проиллюстрировать их труд, достаточно назвать лишь одну цифру — объем промышленного производства за последнюю пятилетку вырос почти на 40 процентов, причем едва ли не весь прирост получен за счет производительности труда.

Плодотворные результаты творческих исканий трудовых людей Загорска и района можно показать на примере любого предприятия города. Возьмем одно из них — трикотажную фабрику имени Розы Люксембург. Фабрика специализируется на выпуске верхнего дет-

приумножают ее, встречая 200-летний юбилей родного города новыми достижениями. На той же трикотажной фабрике имени Розы Люксембург работает вязальщица Валентина Васильевна Денисова. В 1975 году она заняла первое место в республиканском конкурсе рабочего мастерства, в 1976 году — первое место в таком же соревновании в Минске. Ныне она одна из лучших вязальщиц страны. В течение минувшей пятилетки выполнила около семи годовых норм. Валентина Васильевна награждена орденами Трудовой славы II и III степеней.

В Загорске и районе — десять Героев Социалистического Труда. Один из них — токарь электромеханического завода Андрей Алексеевич Семиколенов. Бывший фронтовик-доброволец, ныне он один из лучших производственников в городе. План первого года одиннадцатой пятилетки Андрей Алексеевич выполнил досрочно — к 64-й годовщине Октября. Человек безграничной душевной щедрости, Андрей Алексеевич воспитал несколько десятков учеников, ко-

загорск. Троице-Сергиева лавра * Дворец культуры имени Ю. Гагарина * Новый жилой микрорайон «Углич» * Вязальный цех трикотажной фабрики.

СБОР ВИНОГРАДА

торые сейчас достойно продолжают трудовые традиции учителя. То же самое можно сказать о бригадире строителей Алексее Степановиче Ковылине, о работнике общественного питания Татьяне Ивановне Гришиной. За 35 лет своей трудовой деятельности Татьяна Ивановна обучила кулинарному мастерству около ста человек, ей присвоено почетное звание заслуженного работника торговли РСФСР, труд ее отмечен высокой правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

— Прошлое древнего Загорска впечатляет яркими страницами русской истории, настоящее поражает размахом дел и свершений трудящихся города и района, будущее восхищает даже скептиков, — говорит первый секретарь Загорского горкома партии Виктор Федорович Новиков. — За текущую пятилетку мы на четверть увеличим объем промышленного производства, в полтора раза — производства молока, мяса...

Да, планы тружеников района обширны. Одного только жилья здесь будет за нынешнюю пятилетку построено 500 тысяч квадратных метров. А уже сейчас в отдельных благоустроенных квартирах живет 85 процентов горожан. К тому же в течение пяти лет будет построено и введено в действие 18 детских учреждений, пять новых школ на 3,5 тысячи учащихся, новый больничный комплекс на шестьсот коек, стоматологическая поликлиника, значительно возрастет выпуск товаров народного потребления... И становится понятным, почему из года в год, из пятилетия в пятилетие значительно возрастает производительность труда городских и сельских тружеников: на постоянную заботу партии и правительства о всемерном повышении благосостояния народа загорчане, как и все советские люди, отвечают самоотверженной работой на благо Отчизны.

...В древних стрельницах бывшего Троице-Сергиева монастыря как бы навсегда застыло время. А вокруг крепостных стен кипит жизнь — неуемная, неостановимая. За горизонт уходят широкие улицы, застроенные современными жилыми домами, дворцами культуры, магазинами, текут по этим улицам автомобильные реки, движутся в разные стороны толпы горожан, шумные и колоритные группы туристов из всех стран мира, приехавшие взглянуть на бесценные сокровища Загорского историко-художественного музея-заповедника, слышится разноязычная речь...

Такова новь сегодняшнего Загорска, одного из крупнейших промышленных, культурных и научных центров Подмосковья. Древний город молодеет с каждым днем.

Административное здание * Завод школьного приборостроения. Слесарь-сборщик С. И. Иванов и начальник цеха А. А. Долматов проверяют юстировку готовых приборов * Фабрика игрушек и культиваров. В яркий наряд одевает матрешек З. А. Горькова.

Фото М. САВИНА

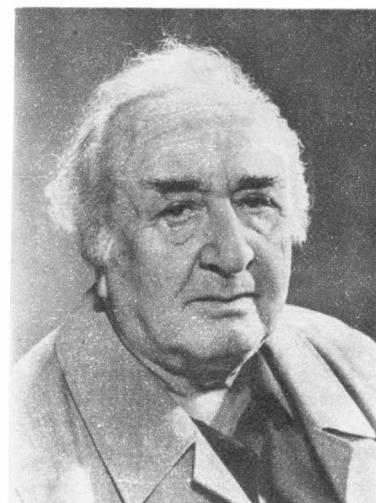
Печататься он начал — подумать только! — шестьдесят лет назад. Первая книга его стихов вышла в 1925 году. По лирике, эпосу, драматургии Карло Каладзе прочитывается летопись социалистической Грузии.

К. Каладзе — это пейзажист, в картинах которого узнаешь приметы любого времени. Это автор поэм, воспевающих героику во всех ее проявлениях. Это драматург, извяжавший колоритные фигуры современников.

В каком бы жанре ни работал Карло Каладзе, всюду он — лирик, проникновенный, задушевный, полный жизни и восторга перед чудом бытия. Доминанта его творчества, главенствующее звучание — мажор, утверждение человека и его дела.

Один из засчитателей новой грузинской поэзии, он никогда не знал ни кризиса, ни простоты, ни недостатка материала и тем. Сбор поэтического винограда у него идет постоянно. И новые книги поэта, которому исполняется 75 лет, это живое, страстное, вдохновенное слово нашего современника. Его песнь доносит до нас молодость души многоопытного мастера.

Лев ОЗЕРОВ

Моя свирель здесь прозвучит
опять.

Воздвиг я арку для небесной сини.
Тебя прошу я: в будничную рань
Из-под ладони, стоя на вершине,
Любимая, ты на Тбилиси глянь!

Ты видишь, как балконы хороши.
Они что зеркало моей души.

И если в этом зеркале вдабавок
Увижу взгляд твой, если рядом ты,
То жизнь моя не требует
поправок,
Мы оба, вместе смотрим с высоты.

К балкону прирученная лоза
Напомнит прорезью твои глаза.

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ СБОР ВИНОГРАДА

Когда закончится сбор винограда,
Ветер в лозе станет всхлипывать.
Дальнему гостю ты рад ли,
не рад ли,—
Двери погреба будут
поскрипывать.

Неугомонный восторг урожая —
Делишь со всеми его изобилие.
Полную чашу отпить приглашая,
Желай, чтобы в будущем снова
испили ее.

Руки мои и мое доверие
Я отдаю землякам обнадеженно,
И укрываюсь под сенью дерева,—
Осень в нем тлеет нежно-
тревожно.

Как землепашец, днем
утомленный,
Я расправляю плечи натруженные.
В давильне, войдя в виноградное
лоно,
Сяду у чана со всеми дружно.

Острый словцом сельчан
я порадую,
Потешу десятком забавных
историй,
И громкий хохот друзей-
виноградарей
Ночь повторяет глотками взгорий.

Перевел Лев ОЗЕРОВ.

Карло КАЛАДЗЕ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ЛИРИКА МОЯ

Разве небу видать среди дня,
Что поблизости нет меня?
Все дороги в небо ведут,
Но оно — живой изумруд —
Примириться не хочет со мной,
Но зато со мной навсегда —
Гор рассеянная гряда,
Необъятный горный простор.
За эпическим сводом гор —
Где же лирика? Где она,
Сердцу близкая сторона?

В час, когда вечереет в горах,
Сердце в миг одолеет страх
И летит, как луч, сквозь туман,
И ложится тропой мой аркан,
Чтобы ужас обрушенных скал
Надо мной не возобладал,
Чтобы верх брала новизна,
Нашей Грузии крутизна.

Вот он, эпос огненных скал!
Я всю жизнь рисовал и писал,—
Эту жизнь не перечеркну,
А, напротив, на всю страну
Разверну на лирический лад
Песнь свою — и не будет преград
Между мной и героем моим.
Тщетной робостью не томим,
Над Ингурой я постою
С тем, которому песнь пою.

Кто же может мне помешать?
Эй, высокая горная рать,
Кто рассорил нас и осудил?
Неуемен я, быстрокрыл,—
Не уйдет она никуда,
Неохватная гор гряда
Будет лирикой окружена.
Пусть высот достигает она!
Песнь жива, и даже во сне
Слово часто является мне.

Такова моя суть и стать,
Я другим не сумел бы стать.
Кто же власть возьмет надо мной,
Над моей страстью земной?
Уцелевшие от беды,
Уцелевшие от вражды,
Эпос с лирикою вдвоем,
Как одно, в существе моем.

ПЕСНЯ

Песней скребет мне горло
Дух непокорный безмолвия.
Что ж приютилось гордо
Слово мое, как молния?

Давит печаль на плечи,
Душу готова выскрести.
Сейчас вот всего бы легче
Волю дать полной искренности.

Скажи, мой путник, мой вестник,
Без унылой предвзятости —
Что меня клонит к песне:
Печаль иль тоска по радости?

ТБИЛИССКИЕ БАЛКОНЫ

Погода хороша. Дыша озоном,
К струне я ухом бережно приник.
Питаю слабость к городским
балконам,—
О них сегодня песнь моя, о них.

Лозы отводок пустим по стене,
И он прикроет окна в вышине.

Дом, что скала — для жизни, для
утехи,—
Открыт, как ветру, новым
временам.
Кура, ударясь сердцем о Метехи,
Все, что желала, высказала нам.

На каменных узорах — бирюзы
Сиянье и зеленый плащ лозы.

Так кто же он, кто бубен
и чонтури
Повыше сабли вешает на гвоздь?
Кто он, засинщик танцевальной
бури,
Хозяин помещенья или гость?

Блуждаю взглядом по балконам:
ты
Должна быть на одном из них.
Мечты!

К балконов пестрой выставке
я призван
Любовью к песне. Я пришел сюда
Со стаей голубей — отменный
признак,
Что это место обойдет беда.

Опять двустишия мне здесь
слагать,—

ЗНАМЯ НА ГОРЕ НОН НЫОК

Мих. ДОМОГАЦКИХ

27 марта в Ханое начнет работу V съезд Коммунистической партии Вьетнама, объединяющей в своих рядах лучших представителей вьетнамского народа. Об одном из них рассказывает корреспондент «Правды» в СРВ.

«Суд приговаривает преступников к смертной казни на гильотине», — прочитал я на пожелавшей от времени странице полицейского дела об антигосударственной деятельности. Заключенному № 5246 Нгуен Ван Хоану было 19 лет, его товарищу 17. В полицейском деле сохранилась фотография Нгуена. Он выглядит старше своих лет. Упрямая челка, худое лицо с резко выступающими скулами и острый, внимательный взгляд глубоко запавших глаз, будто старающихся рассмотреть будущее. Учитывая молодость «преступников», власти заменили смертный приговор заключением в каторжной тюрьме на острове Пуло-Кондор. Первому определили срок пожизненно, второму — пятнадцать лет.

Кондоа — так называется сейчас остров Пуло-Кондор у южной оконечности Вьетнама. Там была самая страшная тюрьма, через которую прошли многие коммунисты первого поколения. В их числе Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, председатель Совета Министров СРВ Фам Ван Донг, бывший президент СРВ Тон Дык Тханг, участник восстания моряков французского флота на Черном море.

Сейчас тюремный каторжный комплекс с «тигровыми клетками» превращен в мемориал, куда приезжают люди со всей страны, чтобы почтить память героев. В историко-революционном музее тысячи экспонатов — фотографии, документы, орудия пыток — свидетельства ярости колонизаторов и непоколебимого мужества борцов за свободу и независимость.

В трех часах езды от Намдиня неширокая речушка прозрачной ленточкой обвивает одинокую скалу, словно откуда-то перенесенную на этот равнинный пейзаж и подчеркивающую своей необычной формой его живописность. Если стоять у подножия скалы, растущей, будто дерево, на благодатной почве, то справа увидишь уходящую вверх гранитную стену, слева тихую неторопливую речку, а над головой высокое, без единого облачка голубое тропическое небо. Нон Ныок — Гора и Вода — называется это место, известное в истории революционного движения во Вьетнаме.

...Это было в ночь с 6 на 7 ноября 1929 года. По улицам городка Ниньвина попарно ходят вооруженные полицейские. Перед всеми революционными праздниками полиция особенно свирепствует: обыски, аресты, проверка благонадежности. В этой настороженной тишине, минуя самые опасные участки, тенями скользят двое парней, стараясь незаметно выбраться из городка. В полночь они подходят к горе Нон Ныок, и по заранее намеченному маршруту один из них поднимается на вершину. Оттуда хорошо видны редкие огоньки городка. Утром, когда текстильщики, железнодорожники, рикши, безработные выйдут из своих хижин, они сразу увидят красный флаг на вершине горы. Нгуен Ван Хоан, секретарь молодежной революционной лиги, понимал, что красный флаг заставит радостно забиться их сердца.

Утром Хоана разбудил хозяин, у которого он снимал комнату.

— Вставай, Хоан, вставай, — торопился он парня, — в городе творится что-то непонятное.

— Что ж там такое?

— Понимаешь, на Нон Ныок кто-то поднял красный флаг. Выйди посмотри, пока полицейские его не сорвали.

Хоан не торопясь привел себя в порядок, не спеша вышел во дворик, и сердце у него затрепетало от радости: отсюда был виден пылающий огонек красного флага на вершине горы. Он был уменьшен расстоянием и напоминал пламя, пробивающееся к небу.

— Как ты думаешь, кто это сделал? — придав голосу максимум равнодушия, спросил Хоан.

Хозяин посмотрел на него с преувеличенным вниманием. Хоан наклонился, сорвал перышко лука и начал лениво жевать, чувствуя во рту приятную горечь.

— Это сделал ты, Хоан, — неожиданно сказал хозяин. — И я горжусь, что у меня такой друг.

— Откуда ты взял? — произнес Хоан с наигранным возмущением.

— У меня есть глаза, Хоан. И друзья тоже. Если бы ты сказал мне: «Динь, пойдем со мной на гору Нон Ныок», — я бы пошел не раздумывая.

— Ну спасибо, Динь. Только я не был на горе Нон Ныок.

— Хорошо. Значит, был кто-то другой. Но и с ним я пошел бы.

Весь день Хоан не находил себе места. Ночью он отправился к близкому другу, чтобы узнать новости.

— Зря ты вышел, — сказал товарищ. — Полиция уже арестовала несколько человек, пытается найти виновных. Будь осторожным. Ночью сегодня у меня.

...Их арестовали через одиннадцать дней.

Я узнал эту историю от работника архива товарища Линя.

— Кто-нибудь выдал патриотов? — спросил я.

— Товарищ Нгуен Ван Хоан считает, что их арестовали потому, что он и его сверстники были слишком неопытны.

— А разве Нгуен Ван Хоан жив?

— Конечно, жив, — ответил товарищ Линь. — После победы Августовской революции он был первым председателем народно-революционного комитета в этой провинции, а сейчас живет в Ханое.

В провинциальном историко-революционном музее экскурсовод показал мне знамя, которое подняли на горе Нон Ныок молодые революционеры Нгуен Ван Хоан и Лыонг Ван Туй. Оно было приобщено к делу по обвинению их в антиправительственной деятельности.

Разглаживаю пальцами поблекшее кумачовое полотнище размером семьдесят на пятьдесят сантиметров. В верхнем углу нарисован серп и молот, а над ними пятиконечная звездочка — символы победившей рабоче-крестьянской революции в России. Собственное знамя вьетнамской революции появится позже, когда Коммунистическая партия Индокитая поведет народ на борьбу за свободу и в этой борьбе родятся первые Советы Вьетнама. Тогда впервые восставший народ пойдет громить колониальные учреждения со своим знаменем, которое станет затем знаменем победы, а теперь стало государственным флагом Социалистической Республики

Вьетнам — красное полотнище с золотой звездой посередине. А тогда его еще не было, и молодые революционеры считали для себя священным знамя Октябрьской революции. На полотнище, приобщенном к полицейскому делу, начертаны цифры: 7—11—1917—7—11—1929, чтобы не было никакого сомнения, по какому поводу изготовлено и водружено оно на вершине горы Нон Ныок. А под цифрами слова: «Да здравствует Советская Россия!»

Я с волнением ожидал встречи с человеком, который держал в руках ставшее революционной религией знамя. И вот, наконец, мне позвонила товарищ Бить. Имя этой девушки означает Жемчужинка. Она работает в отделе печати МИДа после учебы в Воронежском педагогическом институте, где я когда-то сдавал экзамены в аспирантуру. Она сообщила, что Нгуен Ван Хоан ждет нас у себя дома. В просторной гостиной с традиционной низкой мебелью из красного дерева нас встретил высокий человек с добрыми глазами, тонкими чертами лица, с волосами, густо тронутыми сединой. Над дверью, ведущей в кабинет, — портреты Ленина и Хо Ши Мина в рамке из черного дерева. На стенах фотографии — копии тех, которые я видел в полицейском деле, грамоты о многочисленных боевых наградах.

Пятьдесят три года — большой отрезок жизни. Я смотрю на фотографию того молодого парня с упрямым взглядом, будто старающегося рассмотреть сквозь заслону времени будущее, потом перевожу взгляд на хозяина дома. Конечно, изменился. Но в его нынешнем облике я угадываю не только внешнее сходство с тем, кто изображен на полицейской фотографии, но и внутреннюю сдержанность, решимость, мужество.

Я рассказываю о том, что мне удалось узнать в провинции. Нгуен Ван Хоан вспоминает подробности.

Шестнадцатилетним поступил Нгуен Ван Хоан в колледж в городе Намдине, бывшем в те годы важным промышленным центром, среди рабочих которого первые революционеры приобретали опыт политической организации масс, поднимали их на борьбу за лучшую жизнь.

— В колледже, — говорит Нгуен Ван Хоан, — я познакомился с революционной литературой, с газетой «Пария», которую тайно доставляли из Франции во Вьетнам.

В 1926 году вместе с Чыонг Тинем, нынешним председателем Государственного Совета СРВ, членом Политбюро ЦК КПВ, бывшим организатором забастовки студентов, Нгуен Ван Хоан был исключен из колледжа. Пришлось уехать из Намдиня в Ханой, где он стал принимать участие в Товариществе революционной молодежи. Здесь он глубже знакомится с революционной литературой, а потом тайно уезжает в Китай. В столице революционного Китая — Кантоне работал тогда главный политический советник Сунь Ятсена Михаил Бородин, в миссии которого сотрудничал и представитель Восточного отдела Коминтерна Нгуен Ай Куок, создавший политические курсы для молодых вьетнамских революционеров, готовя из них кадры будущей коммунистической партии. Это была первая школа

партийных кадров. Пройдут годы, и Нгуен Ай Куон станет известен всему миру как президент свободного Вьетнама Хо Ши Мин.

Вернувшись на родину, Нгуен Ван Хоан начинает работать в городе Ниньбинь. Два года упорной, наполненной постоянным риском работы. Молодые революционеры создают первые партийные ячейки. Секретарем одной из них становится Нгуен Ван Хоан.

1929 год был памятным годом. Во Вьетнаме образовались три коммунистические организации, представители которых собираются в феврале 1930 года в Гонконге и провозглашает образование Коммунистической партии Вьетнама, а пока шла глубокая политическая работа в мас- сах. В октябре партийные организаций примут решение политическими акциями отметить 12-ю годовщину Октябрьской революции. В решении было записано: выпустить печатную газету «Крестьянин» и рассказать в ней об Октябрьской революции; поднять красное знамя с серпом и молотом на вершине горы Нон Ньюк; отпечатать политическую листовку с лозунгами: «Да здравствует годовщина Октябрьской революции—1917—1929 годы!», «Пусть живут и побеждают идеи Октября!», «Да здравствует Советская Россия!», «Да здравствует Коммунистическая партия большевиков!», «Да здравствуют Советы—цитадель мировой революции!».

— Это,— говорит Нгуен Ван Хоан,— было первое политическое празднование годовщины Октября во Вьетнаме. Мы все сделали, как было решено.

В комнату, где мы беседуем, входит дочь Нгуен Ван Хоана — Нгуен Бак Нгок, разливает по чашечкам душистый зеленый чай, внимательно смотрит на отца: в его глазах волноваться вредно. Она биолог, окончила биологический факультет Кишиневского университета.

— Выпейте чаю, — говорит она по-русски, — отвлекитесь немножко.

Мы пьем чай, и хозяин продолжает рассказывать:

— Когда нам сообщили, что смертную казнь заменили тюремным заключением, я понял, что не все потеряно. Перед отправкой на Пуло-Кондор мы оказались больными, и нас поместили на несколько дней в тюремную больницу. Там удалось из куска материала сделать красное знамя. Мы написали на нем лозунги: «Протестуем против белого террора!», «Да здравствует Коммунистическая партия Индокитая!», «Да здравствует Октябрьская революция и Советская Россия!». Я спрятал это знамя под рубашкой, но, когда прибыли на Пуло-Кондор и нас стали обыскивать, знамя нашли, и я сразу попал в одиночный каменный мешок. Так начались шесть долгих лет каторжной тюрьмы. Но тюрьма для нас была не только пыткой, но и политической школой. Все члены партии входили в партийную организацию, членами которой были товарищи Фам Ван Донг, Тон Дык Тханг, Нгуен Зуй Чинь, Ле Дык Тхо — будущие члены Политбюро, государственные и партийные руководители Вьетнама. Были среди нас два выпускника Коммунистического университета трудающихся Востока — нынешний профессор истории Чан Ван Зяу, которого мы звали Красный профессор, и покойный

Буй Кон Чинь. Они читали нам лекции по марксизму-ленинизму. И мы были хорошими студентами.

В 1936 году, когда во Франции к власти пришло правительство левых сил, началось мощное движение за освобождение политических заключенных с острова смерти Пуло-Кондор. В печать просочились сведения о нечеловеческих условиях в тюрьме Пуло-Кондора, и под давлением народного протеста многих из нас выпустили на свободу.

Нгуен Ван Хоан стал работать в легальной печати и в нелегальной партийной организации. Потом снова арест, высылка в провинцию Тхайбинь под надзор полиции. Перед каждым революционным праздником его забирали в тюрьму, заковывали в кандалы и держали несколько недель, чтобы не дать участвовать в демонстрациях протеста. В 1944 году он бежит из-под надзора и включается в борьбу по подготовке революции, которая завершилась победой в августе 1945 года. Председатель народно-революционного комитета в провинции, потом комиссар в армии, снова бои и политическая работа, продолжавшиеся вплоть до изгнания колонизаторов с вьетнамской земли. Работая затем в комиссии по изучению истории партии, он обнаружил и свое собственное дело, к которому в качестве вещественного доказательства было приобщено знамя, снятное полицией с горы Нон Ньюк.

— Я сразу узнал его,— говорит Нгуен Ван Хоан. — Ведь я сам писал на нем лозунги, рисовал серп и молот со звездой. Так произошла встреча со знаменем, ставшим революционной реликвией...

— А как сложилась судьба вавшего товарища Лыонг Ван Туя? — спрашиваю я.

— Мой друг не дожил до победы, он погиб. Погиб героически, предпринял попытку бежать с острова смерти вплавь. — Нгуен Ван Хоан надолго замолкает, и я чувствую, как он борется с волнением.

— Мы, старые коммунисты, раздаемся свершенному нашим народом под руководством партии,— говорит он.— Одержанная победа в революции, строится социализм на нашей прекрасной земле. И хотя у нас много трудностей, много сложных проблем, но мы верим, что все это — дело временное. Мы живем сейчас ожиданием V съезда партии, съезда, который будет важной вехой в жизни всей страны и каждого человека, живущего в ней. Старшее поколение сделало все, чтобы завоевать свободу. Нынешнему поколению строить новую жизнь. Вот познакомьтесь,— обращается Нгуен Ван Хоан к молодому человеку, который входит в комнату.— Это мой сын.

Оказывается, у истории с городом Нон Ньюк есть продолжение: коммунисту Нгуен Виню, инженеру-связисту, окончившему институт связи в городе Октябрьской революции — Ленинграде, поручили установить первую телевизионную антенну на том самом месте, где реяло красное знамя его отца. 7 ноября 1974 года антenna начала действовать, и на экранах телевизоров вьетнамцы увидели родину Великого Октября.

Ханой.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НЕБУ

В морозной мгле Арктики, с трудом отрывая от льда перегруженный биплан Р-5, Каманин методично совершил спасательные рейсы с места кораблекрушения «Челюскина» до безопасного ледового лагеря. Молодой пилот брал на борт двухместного самолета пятерых членов экипажа. Отлично зная свой биплан, он верил в его прочность и точность своих расчетов. Прилетев, выходил из кабинки, торопил механиков, и снова в полет. Делал все спокойно, деловито, точно и надежно.

Когда же, празднично осыпаный цветами, весь в лентах и венках, направился через всю страну поезд с героями-летчиками и членами экипажа на всем его пути от Владивостока до Москвы стояли тысячные толпы, то самым спокойным, я бы сказал, даже незаметным был скромный, сдержаный, малоразговорчивый Каманин. Даже в минуты торжества, когда вокруг все пело и ликовало, он находил время вести свои дневники, читать книги, обдумывать минувшие события.

Дневники скончавшегося Николая Петровича Каманина бесценны. Вел он их всегда и везде. Всю жизнь писал со свойственной ему точностью и достоверностью. Когда их листаешь, то видишь жизнь не одного человека, а всей страны. Сын рабочего, с детства мечтавший о небе, он в 1927 году добровольцем вступил в Красную Армию, прошел путь от курсанта летной школы до генерал-полковника авиации. Нельзя без волнения читать страницы, написанные на фронтах Великой Отечественной войны. Командир авиационной дивизии, затем авиационным корпусом, Каманин прославился как опытный и отважный военачальник. От верховьев Волги через Курскую дугу, все дальше на запад, к освобождаемым от фашистских орд Киеву и Львову, Будапешту и Праге вел Каманин отважных летчиков, действовавших на штурмовиках ИЛ-2. Он командовал и летал сам. Рядом с Николаем Петровичем воевал его сын Аркадий, самый молодой летчик: было ему едва шестнадцать лет. Каманин любил сына, но не делал ему никаких поблажек, не освобождал от особо опасных полетов, строго проверял на земле и в небе, держал, как и всех летчиков, в казарме.

В авиации сложилось представление о «каманинском стиле», сохранившем свое непреходящее значение и до наших дней. Сплелись в нем воедино мастерство и опыт, хладнокровие и отвага, скромность и дисциплина, трудолюбие и знание техники, желание учиться и готовность учить. Он был строг, взыскателен и справедлив, во всем помогал друзьям и товарищам. Все эти качества были сформированы любовью к Родине, высоким патриотическим чувством, готовностью отдать жизнь за Отечество. Каманин был воспитателем в самом высоком смысле этого слова. Именно поэтому партия и поручила Н. П. Каманину небывалой сложности и ответственности задачу: подготовить космонавтов к первым полетам.

Первоначально будущие космонавты базировались на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе, затем, когда поднялись здания Звездного городка, они переехали в будущую космическую академию. Надо было видеть тогда Николая Петровича, прекрасно понимавшего историческую значимость задуманного. Взыскательно, деловито, строго, в то же время душевно и заботливо пестовал он будущих первопроходцев космоса. Все было неведомо, космос пугал многих тайными, во всем мире не было опыта, как строить космические корабли и как готовить их пилотов. Требовалось смело принимать ответственные решения, изучать рождающиеся науки, новую технику. Страницы дневников показывают, как воедино сошлись тогда могучие характеры — творца ракетно-космических систем, основоположника практической космонавтики академика С. П. Королева и Героя Советского Союза, генерал-полковника авиации, испытанного воспитателя летчиков Н. П. Каманина — сплав несгибаемых характеров во многом повлиял на решение, казалось бы, порой нерешимых задач.

С каким трепетным чувством благодарности относился к Н. П. Каманину Юрий Гагарин, восторженные слова написали о нем Герман Титов и Виталий Севастьянов, светло вспоминают его в Звездном городке.

Большим другом «Огонька» был Николай Петрович Каманин. Он выступал на страницах журнала, делился с нами планами, мечтал, помогал ориентироваться, давал консультации, читал страницы из своих дневников. А собралось более 12 томов. Важно сохранить и разумно использовать бесценные записи героя — живые свидетельства о великой жизни великой страны.

Евгений РЯБЧИКОВ

На снимке: Николай Петрович Каманин.

Фото 30-х годов.

СЛУЖЕНИЕ РУССКОМУ СЛОВУ

Семен ШУРТАКОВ

В пятидесятые годы, когда строилась Волжская гидроэлектростанция в Жигулях, мой давний друг, житель тамошних мест Николай Макаров, в один из своих приездов в Москву сказал-спросил:

— Приезжал к нам в Соколки один интересный человек. Гостиницы в селе, как знаешь, нет, пригласил ночевать его к себе, разговорились... На вид мужиковатый, простоватый такой, а оказался писателем. Писатель Югов. Знаешь такого?

Я ответил, что знаю.

— Спросить его самого постеснялся, а интересно: какое у него образование? Похоже, как ты, филолог или историк.

— Нет,— сказал я,— по образованию он врач.

— Откуда же у него такое доскональное знание и истории России и языка русского? — удивился товарищ.— Помнишь, как мы с тобой на центральном посту Далем зачитывались, его словарем?

Как не помнить! Не один год мы прослужили вместе с Макаровым на Тихоокеанском флоте на одном боевом посту и действительно прямо-таки упивались чтением каким-то чудом попавшего в наш дивизион словаря Даля.

— Так вот,— продолжал Николай Михайлович,— как-то, к слову, заинтриговался я о Дале— как он загорелся весь, какие тонкости начал рассказывать о словаре — ну, ровно сам вместе с Далем составляя тот словарь. И все возмущался, что мы переиздаем не полный, а усеченный... А скажу я какое словцо из нашего местного говора — переспросит, удивится, обрадуется, в тетрадку запишет...

Я порекомендовал другу прочесть юговских «Ратоборцев», и Макаров в свой очередной приезд в Москву опять восхищался глубоким его знанием отечественной истории, говорил об удивительном проникновении в характеры исторических фигур, выведенных в книге.

По прошествии же еще нескольких лет мы с Макаровым имели возможность читать романы «Свет над Волгой» и «На большой реке», собственно, «собирая» материал для которых, А. Югов и оказался в одном из селений Ставропольского района и заночевал у тамошнего председателя колхоза.

Потом, при встрече с Алексеем Кузьмичом, я спросил, помнит ли он свою поездку в село Верхне-Санчелеево, или, по-местному, Соколки, и разговор о русском языке с председателем колхоза Макаровым.

— Как же, как же! — живо отзвался Югов.— Прекрасно помню. Интересный разговор был! Такие разговоры дают куда больше, чем иные словопрения с учеными «грамматоедами», гнушающимися так называемого просторечия...

Вспомнил я об этих встречах и разговорах к тому, что и сам, прочитав «Ратоборцев» и еще не будучи лично знакомым с автором

эпопеи, был удивлен, если не сказать, поражен, художническим проникновением в глубины нашей русской истории. Тринадцатый век! Сказать легко, написать легко, а попробуй представь тот далекий-далекий век. Только представить, и то трудно! А ведь для писателя, взявшегося за роман, действие которого происходит в столь отдаленном времени, мало одного, даже хорошего воображения. Допустим, что ты напрягся и представил то или другое историческое событие, «увидел» внутренним или там еще каким зренiem того или иного исторического героя. А дальше?

Историк, описывая, скажем, тот же тринадцатый век, опирается на документы — летописи, свидетельства очевидцев, иностранные источники. Ему может быть подспорьем в работе также знание географии, этнографии, мифологии, религии и т. д. Хорошее знание географии и этнографии, к примеру, поможет ему более точно воссоздать какое-либо сражение, описать одежду и вооружение воинов. Но историку вовсе не обязательно знать, о чем в день битвы с венгерским королем Бéлой IV думал князь Галицкий, в каком настроении он вечером лег спать и о чем разговаривал с воеводами и ближними боярами наутро...

Писателю надо знать все, что знает историк, а кое-что еще и сверх этого. Глaдное же, писатель не может ограничиться простым описанием исторического события или пересказом — переводом на современный язык той же летописи. Он должен показать внутреннее состояние действующих лиц, их мысли и чувства, показать не только их исторические действия, но и повседневно-житейские радости и горести — другими словами, показать их живыми людьми во плоти и крови.

Психологически точно и художественно убедительно выписаны действующие лица романов, составивших дилогию «Ратоборцы» — Даниила Галицкого, Александра Невского, его младшего брата Андрея, хана Батыя и многих других.

Та же историческая достоверность и высокий художественный уровень свойственны и

второй части дилогии — роману «Александр Невский», в котором А. Югов изображает Александра Невского не только как храброго воина, но мудрого дипломата, дальновидного политика.

В шестидесятые—семидесятые годы, во всеоружии и жизненного и писательского опыта, А. Югов создает новую эпопею — «Страшный суд», посвященную годам, предшествующим Октябрьской революции, и самой революции.

Эпопею высоко оценили и читатели и критики. Ей по праву была присуждена Государственная премия России.

Эти заметки о творчестве Алексея Кузьмича Югова пишутся к юбилейной дате. И, если следовать заведенному порядку, наверное, надо бы напомнить некоторые факты его биографии. Сказать о том, как он в 20-е годы учился в Одесском медицинском институте и уже тогда печатался в журналах «Красная новь» и «Наши достижения». Как по окончании института уехал в Сибирь, начал работать врачом, продолжая заниматься и литературой. Как с романом «Бессмертие» пришла к писателю известность... Но, с одной стороны, подобные сведения можно перечеркнуть в любой биографической справке о писателе, которые обычно прилагаются к книгам. С другой — я не ставил задачи проследить весь творческий путь художника иченого, а останавливаюсь лишь на главных этапах этого пути. На таких, что сделали Югова именно тем Юговым, каким он известен сегодня самым широким читательским кругом.

Непрекращающая любовь и глубокое уважение к истории родной страны, к родному языку — вот что определило и круг интересов писателя и его неповторимый творческий почерк. Именно этим он привлек, а затем и прочно завоевал внимание читателя.

И, говоря о творчестве Алексея Югова, мало упомянуть или пусть даже проанализировать его повести и романы. Картина будет неполной, если мы ничего не скажем о его страстных выступлениях в печати в защиту русского языка как нашего величайшего национального достояния. Эти выступления, как известно, составили целую книгу под общим названием «Судьбы родного слова» (во втором издании — «Думы о русском слове»).

Да и вряд ли правильным было бы разделять художественные произведения и публицистику, отделять одно от другого. Во-первых, публицистика А. Югова тоже художественна. Во-вторых, интерес к отечественной историишел у него рука об руку с интересом к языку.

Кому-то, возможно, показалось бы странным или не совсем понятным, узнай он, что писатель, работая над историческим романом, не только читал, но и — страница за страницей — переписывал русские летописи. Зачем это, что за блажь? Законспектировать узнанное из летописи, записать «своими словами» — еще куда ни шло, а в чем смысл переписывания?

А. Югов видел смысл. Чтобы глубже проникнуть в речевую строй тринацатого века, а значит, и лучше понять «ход мысли» своих героев. Чтобы почувствовать себя как бы сопричастным далекому времени. Для этого писатель не только читал и конспектировал летописи, но некоторые из них переписывал, а если надо — и переводил. Именно к годам работы над «Ратоборцами» относится перевод А. Юговым и главного художественного памятника тех времен — «Слова о полку Игореве». Перевод получил высокую оценку таких крупных ученых, как академики Б. Д. Греков и А. С. Орлов.

Близкое приобщение к великим и удивительным богатствам родного языка сделало А. Югова его ревностным защитником. В своих публицистических выступлениях он с присущей ему страстностью борется против нивелировки языка художественных произведений, показывает и доказывает, какие неограниченные возможности открываются перед писателями, умеющими черпать из океана народной речи. 60-е и особенно 70-е годы, выдвинувшие таких художников слова, как Василий Белов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Валентин Распутин, дали новое и убедительное тому подтверждение.

В отстаивании своих убеждений, в спорах с теми, кто пытается нормировать литературный язык, выхолостить из него едва ли не сам дух народный, А. Югов был неутомим и непреклонен. Он и по сей день является нам достойный пример творческой целевостремленности и высокой принципиальности.

«Ратоборцы» — назвал А. Югов свою историческую дилогию. Ратоборцем, воителем за русское слово, за умножение богатства родного языка хочется назвать и самого писателя.

«ОН

БЫЛ

УЧИТЕЛЕМ ВСЕХ НАС...»

Он прожил недолгую, но красивую жизнь. Всего лишь 35 лет отпустила ему судьба, но сделано за эти годы столь много значительного и важного, что имя его навсегда останется в истории азербайджанского искусства, в истории советской драматургии. Дж. Джабарлы был так талантлив, что даже сейчас, по истечении большого отрезка времени (а умер он в 1934 году), трудно выделить какой-то особый период его творчества, чтобы на нем акцентировать внимание исследователя, читателя, зрителя. Для истории национальной азербайджанской литературы значительно все, содеянное им, от историко-романтической пьесы «Девичья башня» — о судьбе женщины древнего Востока — до знаменитой драмы «В 1905 году», от ранних сатирических стихов до либретто оперы Р. Глиэра «Шахсенем», от оригинальных лирических новелл до мастерски переведенных на родной язык произведений Шекспира и Шиллера, Толстого и Бомарше. «Он был учителем всех нас...» — недаром так высоко отозвался о Джабарлы выдающийся его современник Самед Вургун.

Несомненно, что для творческого взлета Джабарлы решающую роль сыграла победа Советской власти в Азербайджане. Когда 28 апреля 1920 года рабочие и крестьяне свергли буржуазно-помещичье правительство в Баку, молодой поэт и драматург радовался вместе со всеми. Ведь его биография, его жизненная судьба во многом совпадали с судьбой тех, кто вышел на улицы «свобождать свободу». Его отец был

бедным крестьянином-угольщиком, с утра до ночи зарабатывающим на хлеб тяжелым трудом. Будущий писатель еще в детстве понял, что в жизни надо быть ближе к людям, к простому человеку, который близок тебе твоими же помыслами, твоими заботами. И в первых набросках стихов он передает это родство словом, пока неумелым, но искренним. Тяга к письму, к знаниям победила, и Джабарлы стал учиться сначала в бакинской русско-татарской школе, затем в техникуме и университете. В пятнадцать лет — первые серьезные публикации в газетах и журналах. Проба пера во всех жанрах, поиски своеобразия языка, чувство, что ты говоришь от имени многих твоих современников. Именно эта уверенность и помогла двадцатилетнему драматургу написать пьесы, сразу же сделавшие его имя популярным, — «Айдын» и «Октай Эль-оглы» — о судьбах молодых людей в буржуазном обществе, о стремлении человека к высоким нравственным идеалам. Герой пьесы Айдын говорит об этом так: «Я хочу такого мира, чтобы народы в нем были свободны, личности свободны и вся жизнь свободна. Такого мира, где нет никакого насилия, нет золота, роскоши, пышности, приказаний, где каждый — хозяин своего труда...»

Не много времени понадобилось молодому драматургу, чтобы увидеть в победе социалистической революции ростки новой, счастливой, справедливой жизни. И он находит темы для своих произведений в изменившихся судьбах родного народа. Особенно это

чувство нового проявилось в пьесе «Севиль», рассказывающей о пережитках средневекового отношения к женщине, о победе новых общественных отношений. За сюжетом обычной семейной драмы читатель и зритель увидел духовное раскрепощение азербайджанки, еще недавно находившейся в полной зависимости от мужа-деспота. До революции Севиль, боготворившая мужа, как аллаха, получив возможность учиться и стать свободной, поняла, как низка была ее жизнь, как много она обрела теперь.

Славная революционная и во многом драматическая история азербайджанской нации как бы заново прозвучала в произведениях Джабарлы. Чувство истории в его книгах потрясает. Джабарлы как бы приоткрывает ее новые, неизведанные страницы, осторожно перелистывая их и стряхивая с них пыль времени. Его пьесы отличают эмоциональная насыщенность, ясность идейных позиций, глубина постижения образов. Вот почему творения Джабарлы приблизили искусство к народу, театр к зрителю, слово к читателю.

«Большой мастер интересного, волнующего сюжета, он никогда не придерживался старых драматургических законов... В этом отношении он резко отошел от классической драматургии Азербайджана. Джабарлы мастерски владел диалогом... Его гибкий, стремительный диалог, за которым скрывается действие, рассчитан с математической точностью на яркое изображение характера, на развитие сквозных линий драма-

тургического конфликта», — говорилось о Джабарлы на Декаде азербайджанского искусства в Москве в 1940 году.

О чем бы он ни писал, он был сыном своего времени. К прошлому, так же как и к современным событиям, он относился активно, творчески. Это чувствуется и в исторической драме «Невеста огня» и в пьесах «Алмас» и «Яшар» о сложном периоде коллективизации. Вот почему и сегодня его пьесы волныуют своей свежестью, остротой, злободневностью нравственных проблем.

Джабарлы был близок к русской классике. Он почитал Есенина, тянулся к Маяковскому, виделся с Горьким. Его выступление на Первом Всесоюзном съезде советских писателей потрясло всех, ибо Джабарлы говорил честно и прямо обо всем, что волновало его как писателя и гражданина. В этом выступлении — забота о литературе, о высоком ее предназначении. «Писатель, который не умеет быстро заряжаться и заряжать своего читателя, драматург, который не умеет сделать так, чтобы зритель плакал или смеялся по его воле, — это не писатель, это не драматург», — говорил он с трибуны съезда.

У каждого народа есть творец, за которым идут люди, который светит им своим талантом, своим горячим сердцем. У азербайджанского народа одним из таких светочей стал Дж. Джабарлы. Его имя притягивает сегодня всех, кто любит жизнь, правду, свободу.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МАРИЯ!

В. ГУСАРОВ

...Из седой глубины веков наш слух завораживало «Аве, Мария» Каччини, композитора из знаменитой Флорентийской камераты, что превыше всего чтила букву античности... «Аве, Мария». Два слова, кружящие в затейливых мелодических узорах. Как будто творец произведения попал в магический круг этих двух слов и потерял дар речи, но зато обрел красноречие музыки. И никакого академического холода, как от античного мрамора; лишь заенная, равно кроткая и страстная, какая-то неумолчна и неутомимая мольба. Да и не мольба, а дань красоте. Да и не дань, а самая красота. Непостижимость и недостижимость женской красоты. Всего два слова — «Аве, Мария». «Привет тебе, Мария».

Голос теплел, голос окрашивался в самые неожиданные соцветия. Голос пел жизнь.

И голос навевал сказку — сказочный лес и девочку в лесу. Девочку тоже зовут Мария, по-молдавски Маришка. Вот она бежит по узкой просеке, и далеко звенит ее голос: «Здравствуй, лес!» И эхом откликается: «Привет тебе, Мария!» А где-то за лесным кордоном то бархатисто-мягко, то пронзительно-дерзко поет молдавская свирель — флуер. И как тут самой не запеть родную деревенскую дойну.

Хорошо она получается у черноглазой певуньи из села Волонтировка. Только кого в молдавских весях удивишь пением? Да и стоит ли раздумывать об этом, когда вокруг столько серьезных дел. Взять хотя бы лес. Работа в лесничестве — вот профессия. К тому же это в традиции крестьянской семьи Биешу. Решение принято: Маришка будет учиться в сельскохозяйственном техникуме в Бендерах на лесного мелиоратора. И она начала учиться. Учила и пела. Для себя пела. Но вскоре ее голос услышали. Посоветовали показаться педагогу-вокалисту. Специалисты оценили несомненное певческое дарование. И вот начало творчества. Художественная самодеятельность. То, с чего, кстати сказать, начинали многие прославленные мастера. Марию направляют в Кишинев на просмотр народных талантов, «Ни о каких наградах я и думать не думала», — вспоминала М. Биешу. Спеть бы. Не сбиться, не оробеть. Вышла на сцену. Все в тумане. Очнулась только, когда все было позади. Слыши: хлопают. Да еще как! Ей присудили первую премию, высокими эпитетами сопроводили голосовые данные, настоятельно рекомендовали совершенствовать талант.

И вот легкой, естественной, гибкой речью звучат песни Шуберта из цикла «Прекрасная мельничиха». Сколько было и есть блестательных толкований этой вокальной лирики. Какой богатый и трудный (тесситурными порогами) материал. Как вновь прочесть его? У Шуберта в его аллегорическом рассказе «Мой сон» есть такие строчки: «Я пел песни, и пел их много, много лет. Когда я пел о любви, она приносila мне страдания, когда я пел о страданиях, — оно превращалось в любовь». Для Биешу, пожалуй, именно в этих словах, которые можно назвать эпиграфом ко всему творчеству Шуберта, — ключ к душе его гениальной музыки.

Как мастерски владеет она распределением

света и тени. Как исподволь плетет полутона. Как умеет выстроить эмоционально концертные программы (а их у нее на сегодняшний день пятнадцать); связать логически разные по стилю и эпохам сочинения и каждому из них придать отчетливо выраженный характер. Вот она поет «Время сирени» Шоссона — кажется, эмоциональный предел. И тут же шоссоновская миниатюра «бабочки» — в голосе лучистая игривость, трепетность, нежность, хрупкость. А вот печальная и светлая песня Свирилова «Осенью» (Г. Свирилова Биешу поет много, поет целыми циклами) — завершенный, совершенный звукописный пейзаж. И раз зажигающая слушателя молдавская народная песня «Стругураш».

Биешу никогда не повторяется. Каждое ее исполнение — всегда новое переживание; не закрепление опыта, даже удачного, а новый порыв в неизведанное. И новые удивления. Как в жизни...

— В консерваторию меня приняли, — говорит М. Биешу. — Только очень уж трудно было поначалу. Пришлось начинать с азов. Но чами, после занятий, наверстывала то, что другие студенты знали еще в музыкальной школе.

А дальше на втором курсе — поездка в Москву, премия на Всемирном фестивале молодежи и студентов (1957). 1958—1960 годы: Биешу — солистка популярного молдавского оркестра народной музыки «Флуераши». И в его составе — победные выступления на молодежном фестивале в Софии (1959). 1961 год: окончание Кишиневской консерватории (вокальный класс С. Л. Зарифьяна). Биешу — солистка Молдавского театра оперы и балета. 1965—1967 годы: стажировка в знаменитом

миланском «Ла Скала». Наставник Биешу маэстро Пьяцца, маститый педагог, воспитавший многих выдающихся вокалистов, сказал ей на прощание: «Передайте низкий поклон вашим родителям. Это они поставили вам голос. Скажите, что они настоящие профессора итальянской манеры бельканто». 1966 год: Биешу — лауреат III Международного конкурса имени Чайковского. А следующий год принес ей, пожалуй, самый звонкий успех и титул: она стала «лучшей в мире Чио-Чио-сан», победив в труднейшем Первом Международном конкурсе имени мадам Баттерфляй. И все эти годы — гастроли, гастроли, выступления в городах нашей страны. Каждый приезд Марии Биешу в Москву — всегда событие в музыкальной жизни. Так было и сейчас.

Только мастерам с развитым чувством меры под силу петь стариный молдавский романс, как «Вдаль улетают ласточки», петь со сдержанным благородством, без ложной стилизации, петь открыто, не боясь остаться в излишнюю сентиментальность. «Примавара» («Весна») композитора Е. Кока, одного из зачинателей советской молдавской музыки, пленяет одухотворенной мелодикой. Взлет припева у Биешу плавен, как погружение на глубину (хотя диапазон: си-соль). Словно одним дыханием певица коснулась сначала флейты, затем свирели: так на спокойной поверхности серебра вспыхивает солнечный блик. Да, поразительная легкость звукообразования. Без какого-либо напряжения. Голос струится, как речь. Но мы-то знаем, каким трудом добиваются такой полетности звука, такой инструментальной стройности и чистоты голоса, притягивающего и безмерной теплотой, ласковостью и бесконечностью оттенков... Неповторимость прекрасного тембра голоса Биешу, кажется, самое удивительное из ее певческих сокровищ. Словом, такой щедрый дар ей — от природы!..

А ведущий концерта уже объявляет: Евгений Кока — «Новая дойна». Это самое виртуозное исполнение Биешу. Один ее голос делает то, что делают в оркестре несколько духовых инструментов — и флуер, и пастушеская свирель — кавал, и разновидность флейты — пронзительный най, и заунывная волынка — чимпой. От инструмента к инструменту — стремительно, как огонь по сухому тростнику. Голос — целый оркестр.

Все эти произведения звучали на вечере Марии Биешу, который проходил в прошлом году в Москве, на сцене ЦДРИ. А совсем недавно — ответственный концерт в Большом зале Московской консерватории.

За концертную деятельность последних лет народная артистка СССР М. Биешу выдвинута кандидатом на соискание Ленинской премии 1982 года. В этих двух необычайно насыщенных программах певица исполняла также оперную классику и арии из опер современных композиторов.

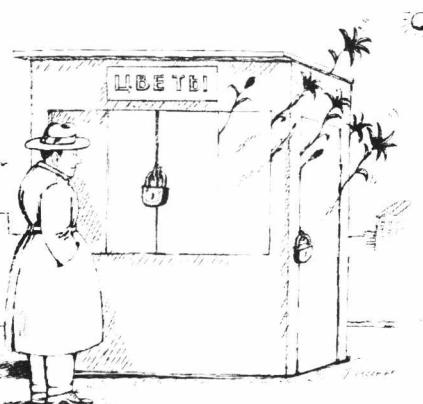
— Конечно, я прежде всего оперная певица, — говорит Мария Биешу. — Очень люблю русскую оперу, с огромным наслаждением пою в спектаклях «Пиковая дама», «Чародейка», «Иоланта» Чайковского. За последние годы в Молдавском театре оперы и балета прошло несколько премьер — «Сельская честь» Масканьи, «Сила судьбы» Верди, «Сергей Лазо» Гершфельда, композитора, работающего в Молдавии. Мечтаю спеть в современном спектакле. Необыкновенно интересной была для меня работа над партией Натальи в опере Хренникова «В бурю».

Как бы ни захватывало и ни поглощало певицу интенсивное и многообразное творчество, Мария Лукьяновна Биешу не мыслит свою жизнь без общественной и педагогической деятельности. Она депутат Верховного Совета СССР; она преподает в Кишиневской консерватории; она член жюри Всесоюзного конкурса имени Глинки, а вскоре примет участие в работе VII Международного конкурса имени Чайковского.

Когда за рулем М. Биешу рассказывает о своей человеческой и творческой доле, удивленный слушатель восклицает: да это чудо! Как может простая молдавская крестьянка стать народной артисткой СССР, стать государственным деятелем?

— Что тут скажешь? — задумывается Мария Лукьяновна. — Возможно, это и в самом деле чудо. Но только не у нас.

10апр

Рис. Л. Тишкова

Рис. К. Рыбалко

Рис. В. Тамаева

— Не любит или разыгрывает?
Рис. С. Веткина

Весенние радости

Борис РЯБЕНЬКИЙ

Минск.

РАССКАЗ

Все рады приходу весны. А уж как я рад сторож стройки Макарыч — не передать! С небывалым трудовым подъемом собирает он пустые бутылки, чернеющие в осевшем снегу. За долгую зиму бутылки набирается целых пять мешков.

Как и Макарыч, мы, строители, с нетерпением ждем таяния снега. Все четче вырисовывается брошенный осенью строительный материал. И если цементный раствор нигде не годится, то кирпич, бетонные плиты, оконные рамы вполне можно использовать. Мы аккуратно склады-

ваем все это в одно место. В углу обнажается транспортер, занесенный янтарной пургой и списанный в феврале. Раздается дружное «ура!».

— Теперь отдохнем недели три, — улыбается прораб. — Не надо до посинения кричать в трубку, требуя обещанных кирпичей или плит.

Через несколько дней из треста звонит шеф:

— Почему не просите материалов?

— Мы на сэкономленных работаем, — отвечает прораб.

— На сэкономленных? Откуда?! — удивляется шеф и выделяет нам солидную премию.

Назавтра из районной газеты приезжает корреспон-

дент и фотографирует строителей на фоне сэкономленного транспортера. Нас хвалят, ставят в пример, к нам приезжают перенимать опыт. И так каждую весну!

Рисунок В. Тамаева

УЛЫБКА ФОТОРЕПОРТЕРА

Фото К. Конкина

